

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СТАРОЕГИПЕТСКОМ ИСКУССТВЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДВОЙНИКЕ¹

§ 1. Исходная позиция

То, что представление о Двойнике проявляется преимущественно в изобразительных памятниках, делает их важнейшим источником для изучения египетского мировоззрения. В проделанном выше исследовании они рассматривались именно в этом аспекте, без учета их художественной специфики — нас интересовало, *что* изображается в каждом конкретном случае, а не то, *как* оно изображается. Выделив отдельные сцены — «трапезу», «перевозку статуй», «жреческую службу» и т. д., мы пренебрегали различиями в трактовке этих сцен в разных гробницах и пользовались этими названиями как знаками, не более того. Такой подход вполне правомочен, ибо большая часть сцен одинакового содержания очень сходны между собой в силу своего функционального назначения, и сами египтяне пользовались ими в конечном счете именно как знаками, обозначающими то или иное действие. Это, кстати, прекрасно проявляется в том, что очень многие изображения людей, животных, птиц, различных предметов полностью совпадают с формой соответствующих иероглифов. Как правило, изображался не какой-либо определенный человек, а человек вообще; не эпизоды, происходившие во время какой-то работы в данном конкретном случае, а эпизоды, которые вообще характерны для этой работы, и т. д. Отдельные попытки художников оживить стандартные сцены случайными, необязательными и, как правило, занятными и забавными [146] подробностями² не могут изменить унифицированного в целом характера гробничного оформления. Особенно поразительна стандартность изображений хозяев гробниц — они также почти всегда и во всем неотличимы друг от друга, так что их можно было бы безболезненно перенести с одного памятника на другой, и эта перестановка не бросалась бы в глаза. Крайне важно установить, какие представления определяли возможность такой унификации — ведь египтяне могли передавать индивидуальные черты, но обычно своим умением не пользовались.

Разумеется, такой подход не означает, что автор, сводя все к мировоззрению, не хочет видеть в египетском искусстве самого искусства — относительно самостоятельной области общественного сознания. В сфере художеств не может быть объяснения того или иного явления только идеологией, или только суммой навыков, приемов, технологий, которыми пользовались мастера, или, наконец, только их опытом и талантом — здесь происходит переплетение всех этих многочисленных факторов, равнодействующей которых являются как типичные для каждой эпохи массовые произведения, так и выделяющиеся из общего ряда шедевры. Значение творческой индивидуальности мастера всегда огромно, и все же для древности с ее сугубо утилитарным подходом к тому, что сейчас мы называем искусством, особую роль играет именно мировоззренческая сторона, и к ней мы должны обратиться в первую очередь.

На царских памятниках рядом с царем иногда изображают его копию — *k3*; на памятниках частных лиц подобные сцены отсутствуют. Из этого обычно делают вывод о том, что *k3* человека изобразить в принципе невозможно [например: Frankfort, 1948 = 1978, p. 69]. Это одновременно и верно, и неверно. Действительно, как самостоятельное существо, стоящее возле своего «оригинала», показывали только *k3* царя, что связано со спецификой представлений о нечеловеческой и надчеловеческой природе владыки Египта. Однако, с другой стороны, всякое изображение есть средство обеспечения жизни Двойника, и в этом смысле оно само расценивается как Двойник. Поэтому *то, что мы называем изображением*

¹ Ср.: [Bolshakov, 1990].

² Например, обезьяна, «помогающая» давить виноград [Moussa, Altenmüller, 1971, pl. 81, играющие дети [Davies, 1900, pl. 21], покупатели, рвущие товар из рук продавца [LD II, Bl. 96], и т. п.

хозяина гробницы, передает не его собственное обличье, а обличье его Двойника. Эта очень тонкая разница оставалась незамеченной, так как всегда предполагалась полная идентичность *k3* и человека, в рамках которой такие детали несущественны.

Теория абсолютного сходства человека и *k3* была выдвинута еще Г. Масперо и П. Ле Паж Ренуфом. В соответствии с ней *k3* должен полностью и в мельчайших подробностях соответствовать своему «оригиналу»; более того, ради придания сходству окончательной полноты приходилось предполагать, что с годами *k3* менялся, как и сам «оригинал»: «Когда [147] рождался ребенок, с ним рождался двойник, который сопровождал его на всех этапах жизни; молодой, когда человек был молод, он достигал зрелости и старел вместе с ним» [Maspero, 1893-4, p. 389; ср. также: Le Page Renouf, 1878, p. 501]. Эта гипотеза является ничем не доказанным искусственным построением, которое хотя и строго следует логике идей своих создателей, не выдерживает столкновения с фактами.

Во-первых, она означает, что свое вечное существование *k3* должен вести в том обличье, в котором умер человек, т. е. зачастую предполагает консервацию болезней, страданий и старческих немощей. Подобное представление еще возможно у народов, не уделявших загробной жизни особого внимания и рисовавших ее мрачно и неопределенно (греческий гадеc, еврейский шеол), но не у египтян, ставивших Двойника в самый центр своей картины мира и тщательно разрабатывавших все связанные с ним проблемы. Во-вторых, равнодушие к передаче в изображениях индивидуальных черт свидетельствует о том, что *k3* не может быть абсолютной копией человека, и это крайне важно как для понимания представления о нем, так и для осмысления всего египетского искусства.

На протяжении почти трех тысяч лет, несмотря на неизбежные изменения вкусов и иконографии, художники Египта изображали человека одинаково. Мужчины всегда мощного сложения, с широкими плечами и узкими бедрами; женщины обязательно стройные, с небольшой грудью и тонкой талией; лица тех и других имеют предельно правильные по египетским меркам черты. Это не конкретные люди, а тиражированные и лишённые индивидуальности повторения идеального образца.

Точно так же стандартизован и возраст изображенных. Они всегда показаны в расцвете молодости и сил — даже в тех случаях, когда достоверно известно, что человек дожил до глубокой старости. Так, например, часовня царицы *Mr(j)-s(j)-ḥ(.w) III* была оформлена уже после ее смерти [Dunham, Simpson, 1974, p. 7], а умерла она, судя по ее биографии и костным останкам, в возрасте по крайней мере пятидесяти лет [ibid., p. 7–8, 21–22]. Тем не менее и на рельефах, и в скульптуре она показана цветущей молодой женщиной. Более того, неоднократно изображенная рядом с ней мать, царица *Ḥtp-ḥr.s II*, которой во время оформления часовни было за семьдесят [ibid., p. 7], ни лицом, ни фигурой не отличается от своей дочери. Количество подобных примеров может быть сколь угодно увеличено, хотя для Старого царства именно этот выглядит особенно показательным, ибо здесь мы точно знаем обычно скрытые от нас время создания изображений и возраст изображенных.

Таким образом, гипотеза Масперо—Ле Паж Ренуфа должна быть отвергнута. *k3* не увядал вместе с человеком, а навсегда сохранял наиболее желательное для вечного существования обличье молодости. При этом сама молодость его была условной — ведь по египетским изображениям мы никогда не можем установить этот идеальный возраст, ясно лишь, что [148] он невелик. К тому же и в молодости человек не был похож на свое изображение, ибо, как правило, сходство ограничивается тем, что у того и у другого две руки, две ноги и одна голова — все индивидуальные особенности нивелируются.

Но не получается ли, что, отвергая теорию абсолютного сходства, мы должны отказаться и от своего понимания *k3*? Ведь если изображение не передает индивидуальных черт, то как оно может служить напоминанием; если *k3* не идентичен человеку, то как он может быть его Двойником? При прямолинейном подходе к проблеме эти вопросы на самом деле кажутся разрушающими все сделанные ранее построения, однако нельзя забывать, что мы имеем дело с таким невероятно сложным явлением, как человеческая психология.

Предлагая в гл. 3 схему возникновения зрительного образа, который понимается как *k3*, мы специально оговаривались, что его сходство с оригиналом сугубо субъективно, что человек неизбежно превращает свое воспоминание в то, что было на самом деле. Но ведь и это далеко не все. Лишь очень немногие, обладающие совершенно особыми способностями, могут вспомнить прошлое сколько-нибудь детально (пусть даже детали будут и не совсем похожими на действительность). Большинство же этим похвалиться не может; для этого подавляющего большинства воспоминание, за исключением отдельных эмоционально окрашенных моментов, неизбежно подернуто более или менее плотной дымкой. Образ человека в нашей памяти обычно расплывчат — мы «видим» его в целом, а частности от нас ускользают. Стало быть, этот образ имеет двойственный характер: с одной стороны, мы видим не столько индивида, сколько человека вообще, с другой стороны, что-то подсказывает нам, кто это. Точно так же нам иногда снятся люди без лица, которых мы тем не менее сразу же узнаем.

Подсказка заключается, конечно же, в имени, создающем иллюзию узнавания. Имя и зрительный образ человека не существуют в нашем сознании друг без друга — их единство неразрывно. Поэтому когда мы вспоминаем о ком-то, его неизбежно расплывчатый образ сразу же дополняется именем, дающим толчок ассоциациям и высвобождающим массу касающейся данного индивида информации самого разного рода. При этом сам образ отчетливее не становится, но он попадает в некоторый контекст, который делает его достаточным для отождествления с определенным человеком. Воспоминание одновременно и адекватно, и неадекватно действительности — четкая фиксация в памяти ключевых моментов обеспечивает ее связь с реальностью, а утрата части информации в сочетании с чудовищной сложностью и непредсказуемостью ассоциаций ведет к домысливанию и фантазии. Наше сознание адаптируется к фрагментарности и дискретности воспоминаний, так что обычно их неполнота не вызывает неудобства, но в глубине, неосознанно, мы ощущаем их [149] расплывчатость — воспоминание, как и сновидение, нельзя даже пересказать, не превращая его в некое «литературное повествование», подчиняющееся уже своей собственной логике.

Но ведь это полная аналогия тому, с чем мы столкнулись, пытаясь объяснить противоречивые как будто свидетельства египетских памятников. У нас получалось, что *k3* полностью воспроизводит внешние и внутренние характеристики конкретного человека и в то же время остается похожим на человека вообще, а не на данного индивида. Теперь становится ясным, что это всего лишь отражение противоречий памяти, с которыми сталкивался каждый пытавшийся проанализировать свои ощущения при воспоминании чего-либо. *K3*, как и всякое воспоминание, в достаточной мере расплывчат, но, поскольку наши знания о человеке придают его образу комплексность и кажущуюся полноту, *k3* действительно является Двойником человека. Что же касается теснейшей связи *k3* и *rn* в египетских представлениях, то о ней было сказано уже достаточно.

В свете этого возможность усредненности изображений вполне понятна. Ни одно завершенное изображение не обходится в Египте (по крайней мере теоретически) без соответствующего надписания; если показывается человек, в это надписание обязательно входит его имя. Имя-то и компенсирует ущербность условного изображения и индивидуализирует его, не меняя при этом его облик.³

---

³ Все это объясняет лишь стандартность египетских изображений, но не обязательную их, т. е. Двойника, молодость. Конечно, это идеальный для вечной жизни возраст, который и хотелось зафиксировать, но, вероятно, дело обстоит сложнее, и молодость есть одно из основных свойств *k3*, связанное с той стороной его гетерогенной природы, которая к изображению отношения не имеет (см. Заключение).

Характерная внешность не исчезает только в изображениях карликов. У карликов уродство является настолько важной составляющей их индивидуальности, что отказаться от показа его было нельзя. Когда речь идет о карликах-слугах, можно было бы еще предположить, что их физический недостаток требовалось изображать потому, что именно он превращал их в забавные существа для развлечения хозяина, наподобие ручных обезьянок. Однако карлик $--w(j)-snb(.w) / Snb$, достигший положения, позволившего ему создать одну из самых представительных гробниц своего времени, тем не менее не может не показывать свое уродство, хотя

Если это действительно так, то в принципе любая чурка может служить статуей, если только на ней написано имя владельца. В период упадка нечто подобное и в самом деле случалось — достаточно вспомнить хотя бы несчетное количество убогих поздних статуэток-ушебти, — но все же гибели искусства, которая неизбежна при последовательном выполнении [150] этого принципа, не происходило. Более того, наряду с преобладающими условными изображениями во все эпохи встречаются попытки передачи индивидуальных черт, а в скульптуре даже подлинные портреты. Число их невелико, это исключения из общего правила, но все же игнорировать их мы не можем уже хотя бы потому, что к ним относятся шедевры египетского искусства, часть которых является вершинами искусства мирового. Неизбежно возникает вопрос о причинах их появления.⁴

Проще всего было бы сказать, что талант выдающегося художника — а в Египте мы знаем произведения поистине великих мастеров — живет по своим законам и неизбежно выходит за пределы, которые ему ставит традиция. Этот в общем-то вполне справедливый тезис повторялся многократно, однако сам по себе он ничего объяснить не может — сперва необходимо поставить произведение искусства в порождающий его культурно-исторический контекст. Рассмотрим для этого лучшие образцы индивидуализации рельефных и скульптурных изображений.

§ 2. Попытки передачи индивидуальности в изображении на плоскости

Прежде всего возникает вопрос о критерии, на основании которого можно говорить о том, что в каких-то конкретных случаях художник стремился воспроизвести реальные черты. Наиболее надежные результаты могло бы дать сравнение изображения с мумией или с костными останками изображенного человека. К сожалению, для Старого царства такие случаи не характерны, так как тела умерших сохранились лишь в редчайших случаях (но см. прим. 1, стр. 194). Впрочем, и здесь иногда можно найти полезную, хотя и не однозначную информацию. Например, когда мы сравниваем рельефные изображения царицы *Mr(j)-s(j)-ḥw(ḥ) III* [Dunham, Simpson, 1974, fig. 3-ab, 6-7, 12] и ее статуи (Бостон, MFA 30.1456, 30.1457, 30.1461) [ibid., pl. 17-abce, 19-abc] с ее черепом [ibid., pl. 16], мы не находим у них характернейшей черты — удлиненной затылочной части. Следовательно, здесь говорить о какой бы то ни было портретности не приходится. Зато *Hḥ(j).f-hw(j).f-w(f) I*, принадлежавший к тому же роду и, возможно, имевший некоторое фамильное сходство с *Mr(j)-s(j)-ḥw(ḥ) III*, был изображен именно с вытянутой головой [Smith, 1949, pl. 43-a; Simpson, 1978, pl. 16-b, fig. 27] — это скорее всего попытка передачи индивидуальной черты.

Иногда полезным может оказаться сравнение разных изображений одного и того же человека. В отдельных и очень редких случаях встречается одинаковая передача нестандартных черт одновременно в рельефе и в скульптуре. Так, очень похоже изображено лицо *Hm(w)-jwn(w)* на [151] фрагменте рельефа (Бостон, MFA 27.296) [Smith, 1949, pl. 48-c] и у его знаменитой статуи (Хильдесгейм, PeIM 1962) [в том же ракурсе: ibid., pl. 48-b]. Примерно такое же сходство наблюдается и у рельефа *Nfr* (Г № 2110, Бостон, MFA 07.1002) [ibid., pl. 48-e] с его «резервной головой» (Бостон, MFA 06.1886) [в том же ракурсе: ibid., pl. 48-d]. Очевидно, это следует понимать как результат отражения памятниками действительности.

И все же обычно проделывать подобные сопоставления мы не можем, так что даже в отсутствие материала для сравнения приходится предполагать, что появление нестандартных черт в изображении человека означает попытку передачи индивидуальных особенностей. При этом, разумеется, следует ограничиться образцами достаточно высокого качества, которое гарантирует, что необычные черты появились в полном соответствии с замыслом

художник при помощи различных приемов и старается сделать его менее заметным [Junker, 1941-1, Abb. 5, 7, 14, 15, 18, 20, 22, Taf. 5-6, 9]. Причина этого, конечно же, в том, что необычную внешность карликов усреднить было невозможно без утраты индивидуальности [ср.: Bolshakov, 1994-2].

⁴ Объяснение с позиций теории изменения облика *кз см.:* [Баллод, 1917].

автора, а не из-за его неумения. В противоположность изображениям условным мы будем называть эти изображения индивидуализированными.⁵

Передача особенностей черт лица на плоскости представляла для египетского художника серьезные трудности, ибо из-за принятой профильной постановки головы с фасным изображением глаза можно было показать только те особенности лица, которые хорошо видны в профиль [Smith, 1949, p. 301–302]; уже упоминавшиеся рельефы $Hm(w)-jwn(w)$ и Nfr характерны как раз передачей носа, лба и подбородка. Других столь же удачных образцов мы не находим: обычно художник использовал весьма ограниченное число стандартных способов передачи отдельных частей лица и, варьируя их сочетания, проделывал что-то вроде сборки фоторобота. Получавшиеся изображения оказывались немного разными в деталях, но все же очень похожими друг на друга в целом.

Таким образом, лица рельефных изображений дают нам очень немного. Тело обычно передается еще более условно, вообще без каких-либо попыток показа специфических черт. На этом фоне особенно ярко выделяются появляющиеся уже в самом начале IV дин., если только не при III дин., изображения совершенно иного типа, единственные в Старом царстве действительно индивидуализированные. Они передают фигуру человека более или менее полного, иногда грузного, иногда просто ожиревшего. Рассмотрим наиболее характерные из них.⁶ [152]

1. $H^c(j)-b3.w-zkr / Hts$, SM № A-2 = СК № 3073, середина III – начало IV дин. [PM III², p. 449] ср.: [Harpur, 1987, p. 275:470]. Изображение (CG 1385): [Borchardt, 1937, Bl. 10; Murray, 1905, pl. 1 и др.].

Поза: стоит.⁷

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Сложение: живот слегка выступает вперед, других признаков полноты нет.

2. Mtn , СЛ № 6, начало царствования $Hw(j).f-w(j)$ [Reisner, 1936-1, p. 364]; ср.: [Harpur, 1987, p. 274:425]. Изображение (Берлин, Ägyptisches Museum 1105, блоки 48–49): [LD II, Bl. 6].⁸

Поза: сидит (за столом).

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: лицо, руки и ноги без передачи полноты, но живот выступает вперед, а грудь отвисшая.

3. $H^c(j).f-hw(j).f-w(j) I$, Г № 7140, конец царствования $Hw(j).f-w(j)$ — царствование $H^c(j).f-r^c(w)$ [Reisner, 1942, p. 115], Я. Малек датирует шире — до конца IV дин. [PM III², p. 188]. Изображение [Smith, 1949, pl. 43-a].

⁵ Нередко пользуются понятиями «реализм», «натурализм» или «веризм» [ср.: Bothmer, 1982; 1988], однако степень их пригодности для описания египетских памятников требует специальных оговорок. Термин «индивидуализация», как более нейтральный, представляется предпочтительным.

⁶ Наш список несколько расширен по сравнению со списком, недавно опубликованным И. Харпур [Harpur, 1987, p. 329–331] (не учтенные ею памятники отмечены знаком #); вместе с тем, некоторые сильно разрушенные или плохо воспроизведенные изображения опущены из-за непригодности их для нашего анализа.

⁷ Египтяне всегда изображают стоящего мужчину с выставленной вперед левой ногой, т. е. шагающим (у женщины ноги, как правило, приставлены одна к другой). Не касаясь вопроса о передаче движения, который имеет скорее всего мировоззренческий характер, мы употребляем для описания этой позы слово «стоять» (как антоним слову «сидеть»).

⁸ На разных рельефах из часовни Mtn его лицо трактовано по-разному, причем на рассматриваемом здесь изображении оно наиболее индивидуализировано. Этот чрезвычайно важный для истории египетского искусства (и мировоззрения) факт не отражен в издании Лепсиуса и поэтому малоизвестен (я имел возможность ознакомиться с рельефами Mtn , практически недоступными исследователям на протяжении послевоенного полувека и находящимися сейчас в разобранном состоянии, благодаря любезности проф. Д. Вильдунга, директора Египетского музея).

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: живот заметно выступает вперед и нависает над поясом, грудь полная; руки и шея не соответствуют этой полноте и выглядят чрезмерно тонкими.

4. # *K3(j)-w^cb(.w)*, в часовне его дочери, царицы *Mr(j)-s(j)-^cnh(.w) III*, второй год неназванного царя, скорее всего *Šps-s-k3.f* [Smith, 1952, p. 126; Harpur, 1987, p. 267:98]; Д. Данем и У.К. Симпсон относят часовню ко времени *Mn-k3.w-r^c(w)* [Dunham, Simpson, 1974, p. 8]. Изображение: [ibid., fig. 4].

Поза: стоит. [153]

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: передана полнота всей фигуры, в том числе ног и плеч; живот и грудь выступают вперед.

5. *K3(j)-^cpr(.w)*, С, без № [Verner, 1993, p. 85], начало V дин. [Fischer, 1959, p. 234]. Изображение: [Fischer, 1959, fig. 8 + Verner, 1993, fig. 11].

Поза: стоит (семейная группа).

Одежда: длинная.

Парик: ? (разрушено).

Сложение: Выступающий вперед живот и отвислая грудь.

6. *Hnt(j)-k3(j)*, эль-Хаммамия, № А 2, начало V дин. [El-Khouli, Kanawati, 1990, p. 16, 30]; Харпур датирует гробницу концом V дин. [Harpur 1987, p. 280]. Изображение: [El-Khouli, Kanawati, 1990, pl. 44].

Поза: стоит (опершись на посох).

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

7. *Nfr*, С, без №, середина V дин., возможно, начало правления *N(j)-wsr-r^c(w)* [Moussa, Altenmüller, 1971, p. 18], ср. [Harpur, 1987, p. 274:439]. Изображение: [ibid., pl. 26].

Поза: стоит (опершись на посох).

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот и толстая грудь.

8. *H^c(j).f-hw(j).f-w(j) II* № 7150, царствование *N(j)-wsr-r^c(w)* [Harpur, 1987, p. 269:184; *PM III*², p. 190]. Изображение: [Simpson, 1978, fig. 46].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота, выступающий живот, отвислая грудь.

9. *H^c(j).f-r^c(w)-^cnh(.w)*, Г № 7948 = ГЛ № 75. Царствование *N(j)-wsr-r^c(w)* [Harpur, 1987, 268:156]; Малек более осторожен: V дин, или позднее [*PM III*², p. 207]. Изображение: [*LD II*, Bl. 8].

Поза: стоит.

Одежда: длинная (по колено) + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: большие складки на животе и под выступающей грудью; в остальном пропорции близки к идеальным.

10. # *Jntj*, Дешаше, царствование *Jzzj* [Kanawati, McFarlane, 1993, p. 19]. Два изображения: [Petrie, 1898, pl. 6, 12; Kanawati, McFarlane, 1993, pl. 32, 29].

Поза: стоит (опершись на посох).

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота. [154]

11. *Nfrj*, Г, без №, конец царствования *Jzzj* — *Wnjs* [Harpur, 1987, p. 267:128]. Изображение: [Abu-Bakr, 1953, fig. 37].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот, толстая грудь и короткие ноги.

12. # *N(j)-s(w)-jr(.w)-nfr(.w)* (?), часовня узурпирована *R^c(w)-m-k3(j)*, СМ № D-3 = СК № 903 (Нью-Йорк, ММА 08.201.1), конец V дин. [*PM* III², p. 487], ср.: [Harpur, 1987, p. 275:453]. Изображение: [Fischer, 1959, fig. 10-f].

а (исходное) Поза: стоит.

Одежда: длинная. Парик: нет.

Сложение: грудь отвислая, других признаков полноты нет.

б (измененное) Поза: стоит,

Одежда: короткая,

Парик: нет.

Сложение: узурпатор уничтожил изображение отвислой груди, так что фигура приблизилась к идеальной.

13. *ḥnh(.w)-ḥ3.f*, Г № 1234, царствования *Wnjs* — *Ttj* [Harpur, 1987, p. 266:48]; ср.: [*PM* III², p. 601 — конец V дин. или VI дин. Два изображения (Берлин, Ägyptisches Museum 15321; Страсбург, Institute d'Égyptologie 1361): [Spiegelberg, 1909, Taf. 1].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота, выступающий живот, отвислая грудь.

14. *Sibw* / *Jbbj*, СМ № E-1, царствование *Ttj* [*PM* III², p. 460; Harpur, 1987, p. 276:491]. Два изображения (CG 1565): [Borchardt, 1964, Bl. 65].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающая грудь, складки под грудью.

15. # *Mrr-w(j)-k3(j)* / *Mrtj*, С, без №, время *Ttj* [Kanawati, 1980-2, p. 24–26; Harpur, 1987, p. 274:420]. Ряд изображений, из лучших: [Duell, 1935, pl. 175], также [ibid., pl. 181], и фрагменты [ibid., pl. 174-b, 185-a, 187-b].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: ожирения нет, однако фигура несколько более грузна, чем идеальная. [155]

16. *Nfr-sšm-r^c(w)* / *Ššj*, С, без №, время *Ttj* [Kanawati, 1980-2, p. 25–26; Harpur, 1987, p. 274:444]. Ряд изображений: [Capart, 1907-2, pl. 12–17].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот, отвислая грудь, толстые спина и зад.

17. $\text{ḥ}h(j)\text{-}m\text{-}\text{ḥ}r(w)$ / Zzi , С, без №, время Ttj [Kanawati, 1980-2, p. 24–27] или конец правления Ttj — начало $Pjpr II$ [Harpur, 1987, p. 273:374]. Два изображения: [Badawy, 1978, fig. 20–21].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: живот со складками, отвислая грудь, толстые спина и зад.

18. $\text{Ḥ}nt(j)\text{-}k3(j)$ / $Jhhj$, С без №, время Ttj [Kanawati, 1980-2, p. 24–27]; согласно Харпур — середина царствования $Pjpr I$ [1987, 275:479]. Два изображения: [James, 1953, pl. 7].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот, отвислая грудь, толстые спина и зад.

19. $Nfr\text{-}s\check{s}m\text{-}pth$ / $\check{S}\check{s}j$, С, без №, время Ttj ; Малек датирует началом VI дин. [$PM III^2$, p. 515], Харпур предпочитает раннюю датировку: $Wnjs$ — Ttj [Harpur, 1987, p. 274:443]. Два изображения: [Capart, 1907-2, pl. 78–79].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: живот со складками, отвислая грудь, толстые спина и зад.

20. $Nbbw$, Г № 2381, царствование $Pjpr I$ [Harpur, 1987, p. 329] или $Mr(j)\text{-}n(j)\text{-}r^c(w)$ [$PM III^2$, p. 90]. Изображение: [Fischer, 1963-1, pl. facing p. 17].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: есть.

Сложение: слегка выступающая грудь и складки на животе.

21. # $\text{Ḥ}w(j)\text{-}n(j)\text{-}w\check{h}$, Косейр эль-Амарна № 2, царствование $Pjpr I$ или несколько позднее [El-Khouli, Kanawati, 1989, p. 25]. Изображение: [ibid., pl. 36-b].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот. [156]

22. Jdw , Г № 7102, время $Pjpr I$ [$PM III^2$, p. 185; Simpson, 1976-1, p. 1–2]; Харпур датирует временем $Mr(j)\text{-}n(j)\text{-}r^c(w)$ — началом царствования $Pjpr II$ [Harpur, 1987, p. 265:38]. Изображение: [Simpson, 1976-1, fig. 34; pl. 16-d].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот, отвислая грудь, толстые спина и зад.

23. $Jhhj$, эль-Хоха, без №, царствование $Mr(j)\text{-}n(j)\text{-}r^c(w)$ — начало $Pjpr II$ [Harpur, 1987, p. 281:68I]. Изображение: [Saleh M., 1977, pl. 18].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота, выступающая грудь, толстые спина и зад.

24. # *Ḳ3r*, эль-Хававиш, № L-31, царствование *Mr(j)-n(j)-r^c(w)* — начало *Pjprj II* [Kanawati, 1986, p. 35]. Изображение: [ibid., fig. 16].

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: выступающие живот и грудь.

25. *Mrjj-r^c(w)-^cnh(w) / N(j)-s(w)-jhjj*, CM № E-13, царствование *Mr(j)-n(j)-r^c(w)* или позднее [Harpur, 1987, p. 274:413]. Два изображения (CG 1483): [Borchardt, 1937, Bl. 39].

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: выступающая грудь.

26. *N(j)-^cnh-pjprj / Sbk-htp(w) / Hprj-kt*, Меир, № A-1, начало царствования *Pjprj II* [Harpur, 1987, p. 280:652]; ср.: [Kanawati, 1980-2, p. 50]. Три изображения: [Blackman, 1953, pl. 5, 6, 14].

а, б. Поза: стоит,

Одежда: длинная,

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот, отвислая грудь.

в. Поза: стоит,

Одежда: длинная,

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

27. # *Pjprj-^cnh(w)-wr*, Косейр эль-Амарна, № 1, начало царствования *Pjprj II* [El-Khouli, Kanawati, 1989, p. 25]. Изображение: [ibid., pl. 27-a].

Поза: стоит.

Одежда: длинная. [157]

Парик: ? (разрушено).

Сложение: выступающие живот и грудь.

28. # *Hwj*, эль-Хагарса, № B-19, начало царствования *Pjprj II* [Kanawati, 1993, p. 35]. Изображение: [ibid., pl. 29-a].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота, складки на животе.

29. *Pjprj-^cnh(w) / Hnj-kt*, Меир № A-2, начало — середина царствования *Pjprj II* [Harpur, 1987, p. 280:649]; ср.: [Kanawati, 1980-2, p. 89]. Изображение: [Blackman, 1953, pl. 16].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

30. # *Nhwt-dšr / Mrjj*, эль-Хававиш, № G-95, начало — середина царствования *Pjprj II* [Kanawati, 1988-1, p. 9]. Изображение: [ibid., fig. 4].

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: выступающие живот и грудь.

31. # *ʿn-ʿnhj*, эль-Хагарса, № B-13, начало — середина царствования *Pjprj II* [Kanawati, 1993, p. 42]. Изображение: [ibid., pl. 36].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

32. # *B3wj*, эль-Хававиш, № BA-48, середина царствования *Pjprj II* или позднее [Kanawati, 1987, p. 36]. Изображение: [ibid., fig. 24].

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: ? (разрушено).

Сложение: выступающий живот.

33. # *Ghs3 / Nbjj*, эль-Хававиш, № GA-11, середина царствования *Pjprj II* или позднее [Kanawati, 1987, p. 39]. Изображение: [ibid., fig. 29].

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот и грудь.

34. *K3(j)-hr / Ttj-jkr(.w)*, эль-Хававиш, середина — конец царствования *Pjprj II* [Harpur, 1987, p. 281:666]. Изображение: [Kanawati, 1980-1, fig. 11]. [158]

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

35. # *Špsj-pw-mn(w) / Hnj*, эль-Хававиш, № H-24, конец царствования *Pjprj II* [Kanawati, 1981]. Два изображения: [ibid., fig. 10, 24].

а. Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

б. Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

36. *Mn-bbw*, ГЛ № 30, царствование *Pjprj II* или несколько позднее [Harpur, 1987, p. 266:84]; ср.: [PM III², p. 168] — VI дин. Изображение: [Junker, 1947, Abb. 82].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: есть.

Сложение: выступающий живот, отвислая грудь; в остальном передача условная.

37. *ḥnhj / Jntj*, Саккара, без №, царствование *Pjpr II* или несколько позднее [*PM III*², p. 609]; ср.: [Harpur, 1987, p. 273:371]. Четыре изображения: [Goyon, 1959, pl. 5–9].

а, б. Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: отвислая грудь и живот в складках, толстые спина и зад.

в, г. Поза: стоит (поза молитвы).

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: складка под грудью, толстые спина и зад.

38. *Wr-nw* (?), Саккара, без №, середина VI дин. или позднее [*PM III*², p. 519]; ср. [Harpur, 1987, p. 273:380]: *Mr(j)-n(j)-r^c(w)* — начало царствования *Pjpr II*. Изображение: [Davies W. et al., 1984, pl. 24].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: легкая общая полнота, слегка выступающие живот и грудь. [159]

39. # *Mrw*, Саккара, без №, середина — конец VI дин. Изображение: [Lloyd et al., 1990, pl. 5].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

40. # *Hwj*, Саккара, без №, середина — конец VI дин. Изображение: [Lloyd et al., 1990, pl. 22].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота.

41. *Pjpr-ḥnh(w)* Средний, Меир, № D-2, конец VI дин. – VIII дин. [Harpur, 1987, p. 280:650]; ср. [Kanawati, 1980-2, p. 71]: VI дин. Два изображения: [Blackman, 1924-1, pl. 6].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота, выступающий живот.

42. *Tfw*, фрагмент рельефа, найденный в масштабе *Mrrj*, Саккара, без №, VI дин., ср.: [Harpur, 1987, p. 277:544] — царствования *Ttj* — *Pjpr I*. Изображение: [Hassan, 1975-3, fig. 21].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: передано условно, однако талия не тонкая.

43. *3bdw*, Г, без №, VI дин. [*PM III*², p. 51; Harpur, 1987, p. 265:5]. Три изображения: [Abu-Vakr, 1953, fig. 51–52, 56].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот.

44. *Mrjj-jb(.j)*, ГЛ № 70, VI дин. [*PM III*², p. 211; Harpur, 1987, p. 267:92]. Изображение: [*LD Text I*, 90].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: ? (разрушено).

Сложение: выступающий живот, отвислая грудь.

45. *N(j)-sw-ptḥ*, Г, фрагменты из шахты S 700 (Каир, JE 44973; Хильдесгейм, PeIM 2388), VI дин.; Харпур, едва ли обоснованно, датирует их царствованием *Ttj* [Harpur, 1987, p. 267:114]. Три изображения: [Junker, 1947, Taf. 27, Abb. 88–89]. [160]

а, б. Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающий живот, отвислая грудь.

в. Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: общая полнота, выступающий живот, отвислая грудь, толстый зад.

46. *Hnnj*, Г, без номера, VI дин. [*PM III*², p. 222; Harpur, 1987, p. 268:169]. Изображение: [Junker, 1953, Abb. 40, Taf. 7-c].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выродившийся, практически условный тип изображения; слегка выступающий живот, отвислая грудь.

47. *Hnm(w)-ḥp(.w) I*, ГЛ № 38, VI дин. [*PM III*², p. 164; Harpur, 1987, p. 269:202]. Изображение: [Junker, 1947, Abb. 27].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: есть.

Сложение: общая полнота, выступающие живот и грудь.

48. *Ttw / K3(.j)-n(j)-sw.t*, Г № 2001, VI дин. [Harpur, 1987, p. 271:292]; Малек датирует менее определенно: V–VI дин. [*PM III*², p. 66]. Изображение: [Simpson, 1980, fig. 20].⁹

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: легкая общая полнота, слегка выступающие живот и грудь.

49. *N(j)-(w)-jr(w) / Pjppj-snb(.w)*, притолока (Санкт-Петербург, ГЭ □18125), С (?), VI дин. Два изображения: [Ланда, Лапис, 1974, табл. 15].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: легкая общая полнота, слегка выступающие живот и грудь.

50. # *Jmpj / Špss-ptḥ*, притолока, С, VI дин. (примерно синхронно с № 49). Два изображения: [Sotheby's, 1990, lot 11].

---

⁹ Из этой же гробницы происходит также фрагмент с нижней частью фигуры в длинной одежде [Junker, 1947, Abb. 26] (не учтен в списке Харпур).

Поза: стоит.
Одежда: длинная. [161]
Парик: нет.
Сложение: легкая полнота живота и груди.

51. *Ššm(j)-nfr(.w) / Jfj*, С, без номера, VI дин. [*PM III²*, р. 614; Harpur, 1987, р. 276:509]. Два изображения: [Barsanti, 1900, fig. 4, 9].

а. Поза: стоит.
Одежда: длинная.
Парик: нет.
Сложение: общая полнота, выступающие живот и грудь, толстые спина и зад.

б. Поза: стоит.
Одежда: короткая.
Парик: нет.
Сложение: общая полнота, выступающие живот и грудь, толстые спина и зад.

52. *Ššj*, ложная дверь (Париж, Louvre E.27133), С (?), VI дин. [Ziegler, 1990, р. 222; Harpur, 1987, р. 330]. Два изображения: [Ziegler, 1990, fig. on p. 223, 225].

Поза: стоит.
Одежда: длинная.
Парик: нет.
Сложение: условно переданная тонкая фигура; выступающие живот и грудь.

53. *Ggj*, ложная дверь (CG 1455), С, VI дин. [*PM III²*, р. 691; Harpur, 1987, р. 277:539]. Изображение: [Borchardt, 1937, Bl. 35].

Поза: стоит.
Одежда: длинная.
Парик: нет.
Сложение: выступающие живот и грудь; в остальном передача условная.

54. *Hnnw*, СЖ № N.IV, VI дин. [*PM III²*, р. 677; Harpur, 1987, р. 275:459]. Два изображения: [Jéquier, 1929, fig. 111].

Поза: стоит.
Одежда: длинная.
Парик: нет.
Сложение: выступающие живот и грудь; в остальном передача условная.

55. *Jdj*, ложная дверь (CG 1575), Абидос, VI дин. [Harpur, 1987, р. 330]. Изображение: [Borchardt, 1964, Bl. 75].

Поза: стоит.
Одежда: длинная.
Парик: нет.
Сложение: общая полнота. [162]

56. *Mri / Jdw*, ложная дверь (Лондон, BM 1191), С, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur, 1987, р. 274:409]. Три изображения: [British Museum, 1961, pl. 35].

Поза: стоит.
Одежда: длинная.
Парик: нет.
Сложение: выступающий живот со складками, отвислая грудь.

57. *3bbj*, фрагмент рельефа, С, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur, 1987, p. 272:335]. Изображение: [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 78].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: есть.

Сложение: выступающий живот со складками, отвислая грудь, складка под грудью. [!]

58. *Jtj*, ложная дверь, С, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur 1987, p. 273:369]. Изображение: [Fischer, 1963-2, pl. 5].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: легкая полнота, выступающая грудь.

59. *Wsr*, ложная дверь, С, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur, 1987, p. 273:382]. Два изображения: [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 70-1].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: условно переданная фигура; выступающая грудь, талия не тонкая.

60. *Htp-n(j).t*, ложная дверь, С, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur, 1987, p. 275:450]. Изображение: [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 72-2].

Поза: стоит (поза молитвы).

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: условно переданная фигура; талия не тонкая.

61. *Htp*, ложная дверь, С, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur 1987, p. 275:465]. Изображение: [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 73-1].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: условно переданная фигура; общая полнота, отвислая грудь.

62. *Gmnj-ḥh(.w)*, ложная дверь, С, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur, 1987, p. 276:537]. Два изображения: [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 74-1]

Поза: стоит. [163]

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: условно переданная фигура; общая полнота.

63. *Ttw*, С, без номера, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur, 1987, p. 277:554], ср.: [PM III², p. 537]. Два изображения: [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 61].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающие живот и грудь.

64. *Jrj*, ложная дверь, Абусир, конец VI дин. — I Переходный период [Harpur, 1987, p. 329]. Два изображения: [Schafer, 1908, Abb. 12].

Поза: стоит (поза молитвы).

Одежда: длинная.

Парик: есть.

Сложение: общая полнота, переданная достаточно условно.

65. *Gmnj-m-ḥ3.t / Gmnj*, С, № НМК.30 (Копенгаген, Ny Carlsberg Glyptotek Æ.I.N. 1616), I Переходный период [Harpur, 1987, p. 277:538; *PM III*², p. 538]. Два изображения: [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 27-b].

Поза: стоит (поза молитвы).

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Сложение: выступающие живот и грудь.

66. # *B3wj*, эль-Хававиш, № В-7 + В-6, IX–X дин. (?) [Kanawati, 1989, p. 34]. Изображение: [ibid., fig. 17-b].

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: выступающие живот и грудь.

67. *Mmj*, эль-Хававиш, № М-23, I Переходный период — Среднее царство (?) [Harpur, 1987, p. 281:658]. Три изображения (CG 1586): [Borchardt, 1964, Bl. 78].

Поза: стоит.

Одежда: длинная + шкура пантеры.

Парик: нет.

Сложение: выступающие живот и грудь, толстые спина и зад.¹⁰

Сведем основные признаки рассматриваемых изображений в таблицу (рис. 8). Типология и ее развитие вполне очевидны. Изображается стоящий мужчина (единственное исключение — [*P 2*], ранний образец) в длинной [*164*] одежде (кроме раннего [*P 1*], довольно странного в целом [*P 9*] и очень позднего [*P 516*])¹¹ и без парика (кроме [*P 20, 36, 47, 57, 64*]). Два последних признака особенно важны, поскольку они характерны для всех индивидуализированных изображений — как на плоскости, так и в скульптуре. К сожалению, смысл такой иконографии совершенно непонятен, хотя египтянами он явно осознавался — иначе никак не объяснить устойчивую корреляцию определенной одежды с типом изображения человека.¹² Однако для нас сейчас гораздо важнее выявить значение передачи полноты.

---

¹⁰ В дальнейшем мы будем ссылаться на номера памятников по настоящему списку, предваряемые индексом *P* («рельефы»).

¹¹ О [*P 126*] см. ниже.

¹² То, что шкура пантеры [*P 3, 9–10аб, 24–25аб. 30, 32–33, 35б, 67*] является жреческим облачением, может вызвать желание расценивать ее наличие как проявление особых ритуальных функций этих фигур, однако она гораздо более характерна для условных изображений.

	Поза		Одежда		Парик		Сложение						
	Стоит	Сидит	Длинная	Короткая	Шкура пантеры	Есть	Нет	Общая полнота	Выступающий живот	Живот в складках	Выступающая грудь	Отвислая грудь	Толстые спина и зад
1													
2													
3													
4													
5							X						
6													
7													
8													
9													
10аб													
11													
12а													
12б													
13аб													
14аб													
15а-д													
16													
17аб													
18аб													
19аб													
20													
21													
22													
23													
24													
25аб													
26аб													
26в													
27							X						
28													
29													
30													
31													
32							X						
33													
34													
35а													
35б													
36													
37а-г													
38													
39													
40													
41аб													
42													
43													
44													
45ab							X						
45в													
46													
47													
48													
49аб													
50аб													
51а													
51б													
52аб													
53													
54													
55													
56а-в													
57													
58													
59													
60													
61													
62													
63аб													
64													
65аб													
66													
67													

■ Наличие признака

⊗ Разрушено

Рис. 8

Основные черты индивидуализированных изображений на плоскости [165]

По этому поводу существуют два основных мнения. Г. Юнкер полагал, что изображаются реальные особенности фигуры [Junker, 1948], Г.Дж. Фишер считал, что полнота была лишь условным обозначением пожилого возраста, причем изображение раскормленного человека соответствовало жизненному идеалу египетского чиновника — сытости [Fischer, 1959, p. 244–245, note 26]. Это последнее мнение как будто находит подтверждение в установленном О.Д. Берлевым смысле полноты на изображениях Среднего царства. В то время полнота была знаком, указывающим на довольного своим положением слугу или придворного; одновременно это был и комплимент хозяину или царю, хорошо содержащим своих прислужников (характерно, что люди, не имевшие отношения ко двору, например номархи, так себя не изображали) [Берлев, 1978, с. 192–196]. Однако эта интерпретация надежна лишь для Среднего царства, в Старом же царстве ситуация более сложна. Так, в равной мере ожиревшими показаны *Hprj*, начальник «служителей Двойника» в масштабе *ḥnḥ(j)-m-ḥr(w)* [Capart, 1907-2, pl. 35; Badawy, 1978, fig. 33], и сам его хозяин [P 17аб] — полнота оказывается явно не знаком общественного положения. В таком случае,

не имеем ли мы все-таки дела с передачей реальных черт, как думал Юнкер? Вернемся к нашей таблице.¹³

Существует несколько способов передачи полноты. Изображения общей грузности тела без утрирования [P 4, 6, 8, 10аб, 13аб, 23, 26в, 28–29, 31, 34–35аб, 38–41аб, 45в, 47–48, 51аб, 58, 61–62, 64], [166] выступающего живота [P 1–5, 7–8, 11, 13аб, 16, 18аб, 21–22, 24, 26аб, 27, 30, 32–33, 36, 38, 41аб, 43–45абв, 46–49аб, 50аб, 51аб, 52аб, 53–56абв, 57, 59, 63аб, 65аб, 66–67], выступающей груди [P 3–4, 7, 9, 11, 14аб, 16, 20, 23–25аб, 27, 30, 33, 38–39, 47–49аб, 50аб, 51аб, 52в, 53–54, 58–59, 3аб, 65аб, 66–67] и отвислой груди [P 2, 5, 8, 12а, 13аб, 17аб, 18аб, 19аб, 22, 26аб, 36, 44, 45абв, 46, 56абв, 57, 61] встречаются на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако другие способы имеют более или менее четкие хронологические границы. Это складки на животе (главным образом при VI дин. [P 17аб, 19аб, 20, 23, 28, 37абвз, 55, 56абв]) и толстые спина и зад (с начала VI дин. [P 16, 17аб, 18аб, 19аб, 22, 37абвз, 45в, 51аб, 52аб, 53–54, 67]). Значит, на эти изображения существовало то, что можно назвать модой, и они, следовательно, служили условными знаками. На первый взгляд это опровергает концепцию Юнкера, однако зададимся вопросом, что вызывало появление новых деталей, без которых раньше вполне обходились, и был ли их условный характер изначальным.

Резонно предположить, что новые признаки возникают как попытка передачи индивидуальных черт конкретного человека, и эта мысль находит подтверждение. По таблице хорошо видно, что одновременно с модными в данный момент изображениями встречаются и совершенно немодные. Например, *Mrr-w(j)-k3(.j)* [P 15абвзδ] изображен без гипертрофированной полноты, лишь с несколько утяжеленными пропорциями, хотя в соседних, сооруженных в то же время гробницах любят показывать живот в складках, отвислую грудь, жирные спину и зад. Вероятно, нужно предположить, что эти признаки были чрезмерными для передачи незначительной полноты *Mrr-w(j)-k3(.j)* и, следовательно, что его изображение более или менее точно соотносится с реальностью. То же самое происходит у *Jntj* [P 10], *Nfrj* [P 11] и *S3bw / Jbbj* [P 14аб] — видимо, их полнота была также незначительна, и они пользовались умеренным способом ее передачи. Еще характерней случай с изображением *N(j)-s(w)-jr(w)-nfr(.w)* (?) на его ложной двери — он был показан с отвислой грудью и в длинном опоясании [P 12а], но *R^c(w)-m-k3(.j)*, узурпировав его гробницу, уничтожил изображение отвислой груди и укоротил одежду, тем самым переведя изображение в разряд условных [P 12б]. Сделать это пришлось, надо думать, потому, что *R^c(w)-m-k3(.j)* этот признак не был присущ в жизни и его требовалось уничтожить и в гробнице.

Значит, скорее всего, новая деталь появлялась для передачи особенностей сложения определенного человека. Затем эту удачно найденную деталь начинали использовать в других гробницах, на нее возникала мода и она превращалась уже в условный знак, штамп. Впрочем, этот штамп употребляли только там, где он был уместен, где он хотя бы отчасти соответствовал действительности, что и дает нам право считать индивидуализированными все эти изображения, а не только те, в которых данная [167] деталь появляется впервые. При этом в высшей степени характерно, что фиксации удаивалась именно полнота — египетский чиновник гордился ею как свидетельством своей значительности и процветания и из всех особенностей своего сложения выбирал только ее.

Считать вслед за Фишером, что полнота была знаком пожилого возраста, у нас нет никаких оснований (другое дело, что, вероятно, многие люди, изображавшие себя толстыми, молодыми уже действительно не были). Скульптура, в которой возраст иногда передавался на самом деле, покажет, что связь между годами и полнотой была в египетском искусстве такой же необязательной, как и в жизни.

¹³ Некоторое время назад автор рассмотрел настоящую проблему на материале восемнадцати изображений [Bolshakov, 1990, p. 92–102]. Такой подход был вполне оправданным, так как выборка включала практически все памятники высокого качества, относящиеся к IV–VI дин. Наш теперешний список расширен главным образом за счет поздних материалов, прежде всего изображений на ложных дверях, которые имеют гораздо меньшее значение из-за низкого качества, Малых размеров и шатких датировок. Таким образом, выводы остаются в основном теми же самыми.

Таким образом, египетские художники пытались передавать индивидуальность в плоском изображении — здесь с Юнкером нельзя не согласиться. Однако в его концепцию необходимо внести два существенных уточнения. Во-первых, индивидуализация касалась только социально значимой характеристики человеческой внешности; во-вторых, индивидуализация велась по пути сочетания довольно ограниченного набора признаков, более или менее точно соответствующих действительности. Все это не позволяет говорить о какой бы то ни было портретности староегипетских рельефов.

В конце Старого царства индивидуализированные изображения вырождаются — они становятся совершенно стандартными, не содержащими пусть даже приблизительных характеристик конкретного человека [например: Grdseloff, 1943, fig. 1]. Все сводится к уже совершенно условным знакам, и о происхождении этих изображений напоминает лишь их иконография, восходящая к старинным образцам. Характерно, что разные индивидуализированные изображения одного и того же человека могут передавать разные черты. Так *N(j)-sw-ptḥ* дважды изображен на его ложной двери с выступающим животом и отвислой грудью [*P 45ab*], тогда как на фрагменте рельефа [*P 45в*] эти черты дополнены общей грузностью тела и толстыми спиной и задом.

§ 3. Передача индивидуальности в скульптуре¹⁴

Со скульптурой дело обстоит иначе. Здесь индивидуализация бывает гораздо полнее, так что иногда мы сталкиваемся с памятниками, которые очень хочется назвать портретами. Но все-таки и в скульптуре преобладают изображения условные. По степени индивидуализации можно выделить три основные группы статуй.

1) Статуи с очень индивидуальными чертами лица и анатомически точной передачей тела. Количество их на общем фоне ничтожно, все они отличаются высочайшим качеством работы. Сохранились две надписи, [168] упоминающие названия таких статуй. На фрагменте рельефа из мастабы *Smnḥ-w(j)-ptḥ / Jtwš*, СМ № D-43 (Нью-Йорк, ВрМ 37.25Е) находится изображение головы (без парика) и плеч в профиль; последнее служит признаком того, что показана статуя. Рядом надпись: «Имя его большое *Smnḥ-w(j)-ptḥ*, имя его молодое *Jtwš* — статуя согласно жизни (*šzp r ḥnh*)» [первая публикация: Petrie, 1920, fig. on p. 19 (upper); хорошее воспроизведение: Smith, 1949, pl. 48-a; библиография: РМ III², p. 452]. На рельефе *Sšm(j)-nfr(.w) IV*, Г Л № 53 (Хильдесгейм, РеИМ 3190), показано воскурение ладана перед аналогичной статуей (без парика, в длинном опоясании, с полными животом и грудью). Рядом надпись: «Статуя согласно жизни (*[t]wt r ḥnh*) — друг единственный /придворный титул/ *Sšm(j)-nfr(.w)*» [Junker, 1950, Taf. 1; 1953, Taf. 22-d, 23-ab, Abb. 89–90]. Таким образом, египтяне выделяли эти статуи в особую группу (ср. иконографию *twt r ḥnh* у *Sšm(j)-nfr(.w) IV* и статуй, которые будут рассмотрены ниже), но сколько-нибудь широкого распространения их название не получило.¹⁵

¹⁴ Основные положения настоящего параграфа см.: [Большаков, 1987–2].

¹⁵ Понимание названия этого типа статуй как «Statue nach dem Leben», «lebenswahre Statue» было обосновано Г. Юнкером (Junker, 1948, S. 403–405; 1953, S. 224–225); его поддерживали М.Э. Матье [Матье, 1961, с. 96; Лапис, Матье 1969, с. 18–19], К. Вандерслеijen [Vandersleyen, 1982, S. 1079, Anm. 5], Д. Вильдунг [Wildung, 1982, S. 117] и др. Несмотря на некоторые сложности, связанные с трактовкой слова *šzp*, которое в значении «статуя» достоверно зафиксировано только в Среднем царстве [Wb. IV, S. 536], такое объяснение представляется весьма надежным. Г.Дж. Фишер предложил возводить *šzp* к глаголу *šzp*, «принимать», «получать»; *šzp* в его трактовке — это статуя-получатель жертв [Fischer, 1963, p. 24–27]. М. Итон-Краус, основываясь на той же этимологии, стала объяснять *šzp r ḥnh* как «статую-получатель, чтобы жить», считая ее особым предметом культа [Eaton-Krauss, 1984, p. 85–88]. Это мнение несомненно интересно, хотя и не бесспорно. Прежде всего, все статуи, а не только *šzp.w r ḥnh*, были объектами культа и определить их специфику в этом отношении мы пока не можем. К тому же значение аналогичной статуи у *Sšm(j)-nfr(.w) IV* как *twt r ḥnh* заставляет усомниться в ключевой роли слова *šzp*, ибо *twt* есть самое универсальное название статуи. Поэтому мы сохраняем понимание, восходящее к Юнкеру, тем более что для нас сейчас важно другое: как бы ни толковать *šzp / twt r ḥnh*, несомненно, что речь идет об особой жизненности статуи, которая, конечно же, связана с ее обликом.

2) Статуи с условно трактованными лицами, в которых индивидуальность лишь пробивается сквозь усредненный стандарт, и с совершенно условными, идеальными телами. К их числу принадлежит значительная часть высококачественной скульптуры.

3) Статуи совершенно условные, изображающие не конкретного человека, а человека вообще. Составляют огромное большинство египетской скульптуры.

Разумеется, определенную роль здесь играют возможности скульптора, однако нельзя сказать, что зависимость между уровнем мастерства и принадлежностью статуи к той или иной группе однозначна. Действительно [169] наиболее индивидуализированные статуи имеют высочайшее качество, а работы плохих или средней руки мастеров, как правило, безлики, но вместе с тем памятники второй группы зачастую выполнены с не меньшим тщанием, чем скульптура «согласно жизни», — просто они сделаны иначе. Таким образом, решение проблемы следует искать, очевидно, в сфере мировоззренческих представлений. В этой сфере разница между статуями второй и третьей группы, сама по себе зачастую немалая, принципиальной роли не играет, зато скульптура первой группы отличается от них качественно. Поэтому мы можем позволить себе объединять статуи второй и третьей группы вместе как тип условной скульптуры, противопоставляя им как целому скульптуру «согласно жизни».

К весьма существенным выводам подводит нас тот факт, что сохранилось некоторое количество статуй, по-разному — условно и индивидуализирование — изображающих одного и того же человека. Характерно, что в такие пары входят практически все известные индивидуализированные статуи (парные им условные сохранились не везде, но в ряде случаев можно доказать, что они существовали). Рассмотрим ряд индивидуализированных статуй частных лиц Старого царства и соответствующие им условные статуи.¹⁶

1. $R^c(w)$ - $hnp(w)$, Мейдум, № 6, конец царствования $Snfr-w(j)$ [Bolshakov, 1991-2].

а) Каир, CG 3, известняк, выс. 120 см. [Borchardt, 1911, Bl. 1]; хорошие [170] воспроизведения: [Caire, 1949, pl. 12-13; Каир, 1969, табл. 17; Málek, 1986, fig. on p. 113 (left); Russmann, 1989, fig. on p. 17, 19].

Поза: сидит.

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: довольно молодое, с мельчайшими индивидуальными особенностями, вплоть до складок между бровей и у рта.

Сложение: идеальное.

Имя: надписано.

---

¹⁶ Разумеется, поскольку речь идет о произведениях искусства, выбор памятников не может не быть несколько субъективным. Впрочем, хотя наш список и можно несколько расширить (главным образом за счет малоинтересных статуэток позднего Старого царства), лучшие образцы он все-таки учитывает. Известная голова из бывшей коллекции Солта (Louvre N. 2289 [Louvre, 1935, pl. 12–15]), которую нередко относят к Старому царству [например: Smith, 1949, Vandier, 1958, p. 54–55; Матье, 1961, с. 515, примеч. 32], не рассматривается, так как она принадлежит все-таки к амарнскому времени [Müller-Feldman, 1938; Vandersleyen, 1975-2, p. 24]. Фрагмент статуи писца (?) JE 72221 [Kees, 1958, Abb. 50; Russmann, 1989, fig. on p. 37–38] по качеству передачи индивидуальных черт заслуживает рассмотрения, но, найденный вне археологического контекста и поэтому не имеющий пары, он утрачивает ценность для предпринимаемого здесь исследования. Статуи $B3.f-hnm(w)$ (ММА 64.66.1–2, MFA 34.235, 34.1461) [PM III², p. 157], прекрасно иллюстрирующие различия в изображении тела между двумя типами скульптуры, к сожалению не имеют голов. Пара статуй из Лишта (?) (ММА 59.50.1–2) не включена в список, так как в ней условная статуя изображает обнаженного человека и принадлежит к иному иконографическому типу по сравнению с рассматриваемой здесь условной скульптурой. Группа так называемых «резервных голов» требует еще специального изучения [см.: Bolshakov, 1995-1]. Ряд индивидуализированных голов иноземных пленников [Bothmer, 1982] не может рассматриваться здесь в силу их совершенно специфической функции.

В дальнейшем мы будем ссылаться только на номера статуй по нижеследующему списку, предваряя их индексом *Ст* («Статуи»).

б) Поскольку часовня найдена нетронутой и замурованной, абсолютно точно, что статуи, парной CG 3, не было.¹⁷

2. *Hm(w)-jwn(w)*, Г № 4000, начало царствования *Hw(j).f-w(j)* [Bolshakov, 1991-2].

а) Хильдесгейм, PeIM 1962, известняк, выс. 156 см; библиография: [PM III², p. 123]; хорошие воспроизведения во всех ракурсах: Uunker, 1929, Taf. 18–23].

Поза: сидит.

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Глаза: инкрустированы (утрачены).

Лицо: чрезвычайно характерное, с горбатым носом и маленьким ртом, сохраняющее энергичность, несмотря на ожирение.

Сложение: предельно достоверные черты ожирения, вплоть до проработки мельчайших деталей.

Имя: надписано.

б) Наряду с сердабом за северной ложной дверью, где была найдена статуя [Cm 2a], имелся аналогичный сердаб за южной дверью, несколько меньших размеров [Junker, 1929, Abb. 18], найденный пустым. Это дает основание полагать, что в нем находилась вторая — и только одна, статуя, по размерам близкая к хильдесгеймской.

3. *nh(w)-h3.f*, Г № 7510, время *Hc(j).f-r(w)* [PM III², p. 196]; ср.: [Нагриг, 1987, p. 266:49].

а) Бостон, MFA 27.442, известняк, вые. 50 см; библиография: [PM III², p. 196]; из лучших воспроизведений: [Smith, 1949, pl. 14,15-a; Boston» 1975, p. 147; Bolshakov, 1991-1, figs, on covers]. [171]

Поза: --- (бюст).¹⁸

Одежда: --- (бюст).

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: лицо немолодого человека с мешками под глазами, складками на щеках и у рта, со сведенными бровями, набрякшими веками и удивительно живым ртом.¹⁹

Сложение: сильные, но грузные плечи и грудь, короткая шея, тяжелый затылок.²⁰

Имя: нет.

б) Мастаба Г № 7510 имела наружную часовню, где был обнаружен бостонский бюст, и внутреннюю часовню с сердабом за ложной дверью [Reisner, 1942, fig. 8, 122], в котором статуи к моменту раскопок не было. На этом основании У.С. Смит предположил, что бюст

---

¹⁷ Таким же шедевром является статуя *Nfrt*, жены *Rc(w)-htp(w)* (CG 4, известняк, выс. 118 см, хорошие воспроизведения: [Caige, 1949, pl. 12, 14; Каир, 1969, I табл. 17; Málek, 1986, fig. on p. 110]). Мы не можем включить ее в наш список, так как других женских статуй такого уровня нет, и она все равно остается несопоставимой. К тому же изображения женщин, судя по всему, подчиняются иным закономерностям.

¹⁸ Единственный староегипетский бюст, за исключением бюстов *Nfr-sšm-ptḥ* и *Jdw*, размещавшихся в ложных дверях [библиография: PM III², p. 516, 186]. Эти бюсты напоминают *nh(w)-h3.f* иконографией (отсутствие парика) и сходной трактовкой тяжелых плеч и груди, так что возникает мысль о возможности влияния образца IV дин., что вовсе не невероятно, ибо бюст *nh(w)-h3.f* стоял не в закрытом сердабе, а в часовне.

¹⁹ Лицо *nh(w)-h3.f* на редкость правдиво, в нем нет никакой стилизации, ничего специфически египетского. Весьма показательна в этом отношении связанная с ним анекдотическая история. Когда в войну в музее проводилась подготовка к эвакуации памятников, кто-то в суматохе надел на голову *nh(w)-h3.f* свою шляпу. Впечатление, которое он стал производить в таком виде, толкнуло сотрудников музея на эксперимент: на статую надели рубашку, галстук, пиджак, шляпу, и оказалось, что лицо *nh(w)-h3.f* настолько естественно и современно, что оно не выделялось бы в городской толпе [Dunham, 1943]. Впрочем, примерно так же обстоит дело и с лицами некоторых других лучших статуй «согласно жизни».

²⁰ Скорее всего, бюст *nh(w)-h3.f* имел приставные вытянутые вперед руки, лежащие на постаменте [Bolshakov, 1991-1]. Если эта реконструкция справедлива, бюст должен был производить своеобразное и сильное впечатление: совершенно живое лицо и протянутые к посетителю гробницы за жертвой руки. Нам эти руки могут показаться комичными и портящими бюст как произведение искусства, но для египтянина не было ничего более естественного, ибо они подчеркивали самое главное в статуе — ее готовность принять жертву.

первоначально находился в сердабе [Smith, 1949, p. 38], однако это представляется невозможным — он был обнаружен возле постамента, с которого упал, т. е. практически *in situ*; к тому же в таком его расположении была своя логика [Bolshakov, 1991-1]. Таким образом, в сердабе должна была находиться другая статуя (или статуи, так как сердаб имеет большие размеры) *ḥnḥ(w)-ḥ3.f*.

4. *K3(j)-ḥpr(.w)*, SM № С-8, скорее всего IV дин. (датировка до сих пор шаткая, см.: [Vandersleyen, 1983]; ср.: [*PM III*², p. 459]).

а) «Шейх эль-белед», Каир, CG 34, дерево, выс. 110 см (ступни и основание [172] утрачены и реконструированы) [Borchardt, 1911, Bl. 9]; библиография: [*PM III*², p. 459]; хорошие воспроизведения: [Caire, 1949, pl. 16–18; Málek, 1986, fig. on p. 61; Russmann, 1989, fig. on p. 30–31].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: мягкое лицо с обвисшим подбородком, полными щеками, небольшим носом.

Сложение: очень достоверны полные ноги и руки, толстая шея; полнота, однако, не болезненная.

Имя: ? (основание статуи утрачено).

б) Каир, CG 32, дерево, выс. 69 см (нижняя часть до бедер утрачена) [Borchardt, 1911, Bl. 8]; библиография: [*PM III*², p. 724]; хорошие воспроизведения: [Capart, 1920, pl. 27-3, 28; Caire, 1949, pl. 30–31].²¹

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: довольно индивидуальное, но намного более условное, чем у [*Cm 4a*]; сходство с [*Cm 4a*] есть, особенно в очертаниях рта, однако изображен гораздо более молодой человек.

Сложение: идеальное.

Имя: ? (основание статуи утрачено).

5. *K3j*, SM № С-20 (о происхождении см.: [Smith, 1936, p. 402]), начало V дин. [*PM III*², p. 458].

а) «Луврский писец», «Scribe rouge», Париж, Louvre N.2290, известняк, выс. 53 см; библиография: [*PM III*², p. 458–459]; из лучших воспроизведений: [Louvre, 1935, pl. 29–31; Málek, 1986, fig. on p. 8.].

Поза: писцовая (сидит с поджатыми ногами).

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: костистое, скуластое, с плоским носом и узкими сжатыми губами.

Сложение: слабое тело с дряблыми мышцами и складками на груди и животе.

Имя: нет.

б) Париж, Louvre А. 106, известняк; библиография: [*PM III*², p. 458]; [173] хорошие воспроизведения: [Louvre, 1935, pl. 32–33; Zeigler, 1997, p. 105–107].²²

²¹ Абсолютно надежного доказательства того, что [*Cm 4b*] изображает того же человека, что и [*Cm 4a*], нет, но обстоятельства находки делают такое предположение в высшей степени вероятным [Capart, 1921, p. 227–233].

²² «Луврский писец» был найден вместе с четырьмя статуями *Shm-k3(j)* (Louvre А. 102-105), статуей *Ph(j)-r-nfr* (Louvre А. 107) и статуей *K3j* (Louvre А. 106). Исследовав обстоятельства находки, Ж. Капар отождествил «Луврского писца» с *K3j* [Capart, 1921]; позднее У.С. Смит показал, что эти две статуи происходят

Поза: сидит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: большого сходства с [См 5а] нет; во всяком случае, изображен гораздо более молодой человек.

Сложение: идеальное.

Имя: надписано.

6. Неизвестное лицо, масштаба возле СМ № С-16, начало V дин. [РМ Ш², р. 499].

а) «Каирский писец», СГ 36, известняк, выс. 51 см [Borchardt, 1911, Вл. 9]; библиография: [РМ Ш², р. 500]; хорошие воспроизведения также: [Caire, 1949, pl. 26–28; Каир. 1969, табл. 21; Vandersleyen, 1975-1, Abb. XI].

Поза: писцовая (сидит с поджатыми ногами).

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: довольно молодое, с круглыми щеками и подбородком.

Сложение: идеализированное тело без индивидуальных черт.

Имя: нет.

б) Каир, СГ 35, известняк, выс. 61 см. [Borchardt, 1911, Вл. 9]; библиография: [РМ Ш², р. 500].²³

Поза: сидит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: черты имеют некоторое сходство с [См 6а] (овал лица, форма носа, губ), однако они гораздо более условны.

Сложение: идеальное.

Имя: нет. [174]

7. *R(w)-nfr(w)*, СМ № С-5, начало V дин. [РМ Ш², р. 461].

а) Каир, СГ 18, известняк, выс. 195 см [Borchardt, 1911, Вл. 5]; библиография: [РМ Ш², р. 462]; хорошее воспроизведение: [Vandersleyen, 1975-1, Abb. 133-b].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: лицо человека зрелого возраста с довольно глубокими складками у крыльев носа и характерной вытянутой переносицей.

Сложение: тело мощное, близкое к египетскому идеалу, однако с незначительной полнотой (особенно грудь и живот).

Имя: надписано.

б) Каир, СГ 19, известняк, выс. 180 см [Borchardt, 1911, Вл. 5]; библиография: [РМ Ш², р. 462]; хорошие воспроизведения: [Caire, 1949, pl. 23–25; Vandersleyen, 1975-1, Abb. 133-a].

из масштабы СМ № С-20, тогда как остальные из СМ № С-19 [Smith, 1936, р. 402]. Обе были найдены *in situ* перед ложными дверьми часовни коридорного типа масштабы СМ № С-20. Дж. Харрис и Ж. Вандье возражали против такого отождествления [Harris, 1955; Vandier, 1958, р. 122], но их аргументы, основанные прежде всего на стилистических особенностях статуй и игнорирующие археологические обстоятельства, едва ли убедительны, и скорее права М.Э. Матье, солидаризировавшаяся с Капаром и Смитом [Матье, 1961, с. 516, примеч. 41].

²³ Согласно Г. Масперо, обе статуи были найдены *in situ* в часовне коридорного типа перед ложными дверьми [Sartre, 1921 p. 190]; таким образом, тождество изображенного в обоих случаях лица несомненно.

Поза: стоит.
Одежда: короткая.
Парик: есть.
Глаза: без инкрустации.
Лицо: сходство с [См 7а] несомненно, но это лицо более молодого человека.²⁴
Сложение: идеальное.
Имя: есть.

8. *3h.t(j)-htp(.w)*, С, без №, возле пирамиды *Wnjs*, скорее всего, конец V дин. (ср. очень расплывчатую датировку Малека: V–VI дин. [PM III², р. 638]). а) Каир,²⁵ дерево, выс. 171 см (основание и нижняя часть ног утрачены) [Zayed, 1958, pl. 9–10; Batrawi, 1948, pl. 2–3].

Поза: стоит. [175]

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: овал лица, чуть вздернутый нос и форма рта очень индивидуальны.

Сложение: тело передано довольно условно, однако отсутствуют мощный разворот плеч и тонкая талия; мышцы покрыты тонким слоем жира.

Имя: ? (основание статуи утрачено).

- б-д) Каир, дерево, минимальная высота 90 см, максимальная — меньше, чем у [См 8а] [Zayed, 1958, pl. 9, 12–16; Batrawi, 1948, pl. 2–3].²⁶

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: лица очень похожи друг на друга, сходство с [См 8а] незначительно.

Сложение: идеальное.

Имя: из-за несовершенства публикаций наличие титулов и имени достоверно лишь в одном случае [Zayed, 1958, pl. 14]; аналогичные надписи могут иметься и на других статуях [см.: PM III², р. 638].

9. *Mjtrj*, С, без №, рубеж V–VI дин. [Russmann, 1995, р. 276].²⁷

- а) Нью-Йорк, ММА 26.2.4, дерево, выс. 146 см (ноги ниже колен и основание утрачены) [Hayes, 1953, fig. 65].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

---

²⁴ Эти несомненные различия отметил еще Ж. Капар [Capart, 1920, р. 227], однако Р. Энгельбах, изготовив слепок с парика [См 7б] и надев его на голову слепка с [См 7а], пришел к выводу об абсолютной идентичности лиц обеих статуй, различное же их восприятие он объяснял наличием парика у одной и отсутствием у другой [Engelbach, 1934]. И все же различия носят совершенно объективный характер [Smith, 1949, р. 49; Vandier, 1958, р. 121–126]; интересно, что один искусствовед-неегиптолог полагал даже, что статуи изображают двух разных людей, носящих одно имя [Curtius, 1914, S. 80–81], — мнение, основанное на незнании реалий, но свидетельствующее о существовании бросающейся в глаза разницы. Впрочем, несомненно, что статуи *R^c(w)-nfr(.w)* на самом деле гораздо ближе друг к другу, чем другие парные.

²⁵ Статуи *3h.t(j)-htp(.w)* и его жены значатся в каирской Книге поступлений под номерами JE 93168–93174, однако к какой статуе какой номер относится, по имеющейся литературе установить не удалось.

²⁶ Кроме того, в сердабе *3h.t(j)-htp(.w)* найдена прекрасная статуя, относящаяся к типу, изображающему обнаженного мужчину [Zayed, 1958, pl. 7] (дерево, нижняя часть утрачена, высота сохранившейся части 87,5 см [Batrawi, 1948, р. 493], полная высота составляла 175 см [Batrawi, 1948, р. 493]). Она не включается в список из-за своей типологической принадлежности, однако следует отметить большое сходство ее лица с [См 8а].

²⁷ Кроме двух учитываемых здесь статуй из мастабы *Mjtrj* происходит также ряд других статуй, не образующих интересующие нас пары, см.: [PM III², р. 632].

Глаза: без инкрустации.

Лицо: круглое лицо зрелого, но не пожилого человека; полные щеки, складки у крыльев носа.

Сложение: легкая полнота живота и груди.

Имя: ? (основание статуи утрачено).

б) Нью-Йорк, ММА 26.2.2, дерево, выс. ок. 1 м (основание утрачено) [Hayes, 1953, fig. 64].

Поза: стоит. [176]

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: некоторое сходство с [*Cm 9a*], но черты острее, складки у крыльев носа почти не видны.

Сложение: идеальное.

Имя: ? (основание статуи утрачено).

10. *Mttjj*, С, гробница неизвестна, время *Ttj* [*PM III*², р. 646].

а) Нью-Йорк, ВГМ 51.1), дерево, выс. 61,5 см; библиография: [*PM III*², р. 647]; особенно хорошие воспроизведения: [Brooklyn, 1956, pl. 4–6].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: исключительно характерное, с тончайшей моделировкой, создающей образ немолодого человека с печальными, опущенными глазами.

Сложение: слабое тело с узкими плечами и тонкими руками; голова на тонкой шее кажется непомерно крупной для этого тела.²⁸

Имя: есть.

б) Канзас-Сити, WRNGA 51.1, дерево, выс. 80см[Kaplony, 1976, Abb. an S. 68–70]; библиография: [*PM III*², р. 647–648].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: напоминающее [*Cm 10a*], но менее индивидуальное.

Сложение: тело не столь хрупкое и индивидуальное, как у [*Cm 10a*].

Имя: есть.

в) Бостон, MFA 47.1455, дерево, выс. 80 см [Kaplony, 1976, Abb. an S. 56–59; Bothmer, 1948, fig. 1–7]; библиография: [*PM III*², р. 647].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: есть сходство с [*Cm 10a*], однако черты сглажены и усреднены.

Сложение: идеальное.

Имя: есть. [177]

г) Нью-Йорк, ВГМ 53.222, дерево, выс. 74,5 см [Brooklyn, 1956, pl. 1–3; Kaplony, 1976, Abb. an S. 66, 68; Russmann, 1995, pl. 55-b]; библиография: [*PM III*², р. 647].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

---

²⁸ П. Каплони считал эту статую наиболее ценной в художественном отношении староегипетской деревянной статуей [Kaplony, 1976, S. 62], хотя, пожалуй, хрупкость тела *Mttjj* утрирована несколько сильнее, чем полнота «Шейх эль-беледа».

Глаза: без инкрустации.

Лицо: сходство с [*Cт 10a*] очень незначительно.

Сложение: идеальное.

Имя: есть.

д) Нью-Йорк, ВгМ 50.77, дерево, выс. 89 см [Kaplony, 1976, Abb. an S. 60–61; Russmann, 1995, pl. 55-a]; библиография: [*PM III²*, p. 647].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: наиболее условное из всех пяти статуй; заметно более широкое, чем у остальных четырех.

Сложение: идеальное.

Имя: есть.

11. Карлик *Hnm(w)-htp(.w)*, С, гробница неизвестна, конец V–VI дин. (?) [*PM III²*, p. 722].

а) Каир, СГ 144, известняк, выс. 44 см [Borchardt, 1911, Bl. 32]; библиография: [*PM III²*, p. 722–723]; хорошие воспроизведения: [Vandersleyen, 1975-1, Abb. 142-b, Russmann, 1988, fig. on p. 32].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: болезненное выражение детскости; вытянутая форма головы, характерная для карликов.

Сложение: анатомически точно переданы короткие и толстые ноги, руки и шея, нездоровая общая полнота, валики жира и складки на ногах.

Имя: есть.

б) Статуи, парной СГ 144, мы не знаем, однако, поскольку обстоятельства обнаружения СГ 144 неизвестны, возможность ее существования отрицать нельзя.

12. Карлик *---w(f)-snb(.w) / Snb*, Г, без №, конец Старого царства [Junker, 1941-1, S. 3–6], скорее всего, вторая половина VI дин.²⁹ [178]

а) Каир, JE 51280, известняк, выс. 33 см [Junker 1941-1, Vorsatzblatt]; библиография: [*PM III²*, p. 102-103]; хорошие воспроизведения: [Caire, 1949, pl. 26; Каир, 1969, табл. 25; Málek, 1986, fig. on p. 38; Russmann, 1989, fig. on p. 40].

Поза: сидит, поджав ноги.

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: очень индивидуальное, с широким лбом, крупным носом, большим ртом и глазами и сильным подбородком.

Сложение: точная передача черт карликовости, но едва ли переданы индивидуальные характеристики.³⁰

²⁹ Ср. [Vandier, 1958, p. 137; Terrace, Fischer, 1970, p. 68; *PM III²*, p. 101; Baines, Málek, 1980, p. 163; Harpur, 1987, p. 269:212], ср.: [Fischer, 1990, p. 90–91, note 1]. Однако существует и другая традиция датировки, относящая *Snb* к V дин. [Smith, 1949, p. 57; Russmann, 1989, p. 39–41, 214–215; Aldred, 1980, p. 77 (мнение Б. Ботмера)]. Крайней точки зрения придерживается Н. Шерпион — царствование *Dd.f-r^c(w)* (Cherpiion, 1984, p. 35–54; 1989, p. 89). То, как оформление часовни *Snb* укладывается в тенденции развития конца Старого царства, заставляет присоединиться к мнению Юнкера [Большаков, 1986-1, с. 122–123].

³⁰ В. Дасен, систематизируя с медицинской точки зрения египетские изображения карликов, пришла к выводу, что они передают характерные признаки соответствующих болезней, превратившиеся в иконографические знаки, но не индивидуальные черты [Dasen, 1988, p. 260–268]. В целом с ней нельзя не согласиться, особенно

Имя: есть.

б) В сердабе южнее ложной двери находилась деревянная статуя, от которой практически ничего не сохранилось [Junker, 1941-1, S. 104–105].

в) Из сердаба южнее часовни происходит основание гранитной статуи ---w(f)-snb(.w) / Snb шириной 26 см [ibid., Abb. 29-b].

Поза: сидит.

Имя: есть.

В конце Старого царства (вероятно, в середине VI дин.) мастерство скульпторов падает, и быллой уровень индивидуализации становится для них технически недостижимым. Поэтому хотя традиция парных статуй продолжается, статуи «согласно жизни» становятся довольно стандартными — вместо передачи особенностей сложения появляются усредненные признаки полноты, лица в значительной степени утрачивают прежнюю характерность. И все же в ряде случаев индивидуальность проступает сквозь стандарт, свидетельствуя, что ее отсутствие в других образцах является следствием общего упадка художественной школы, а не результатом изменения соответствующих представлений.³¹ [179]

13. N(j)-*ḥ-pj-j-km*, Меир, № А-1, начало царствования Pjpp II [Kanawati, 1977-1, p. 52–54].

а) Каир, CG 236, дерево, выс. 70 см [Borchardt, 1911, Bl. 49].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: довольно своеобразное, с маленьким подбородком, большим ртом и выступающими скулами.

Сложение: полный живот, складка под грудью.³²

Имя: нет.

б) Каир, CG 60, дерево, выс. 105 см [Borchardt, 1911, Bl. 15].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: передано условно, хотя овал несколько напоминает [См 13а].

Сложение: совершенно условно переданное непропорционально вытянутое тело.

Имя: надписано.

когда речь идет о настенных изображениях, однако статуи *Hnm(w)-ḥtp(.w)* и ---w(f)-snb(.w) / Snb являются исключениями, и их лица все-таки индивидуальны. Правда, индивидуальность отчасти скрыта общими характерными чертами карликовости, но в этом ничего удивительного нет — ведь и в жизни мы, глядя на карлика, прежде всего видим то, что относит его к данной группе людей, и только потом отмечаем специфические черты конкретного человека.

³¹ В своей недавней блестящей статье о так называемом «втором стиле» в искусстве позднего Старого царства Э. Рассман утверждает, что отход от натурализма, общее удлинение пропорций и другие черты, характерные для скульптуры (и рельефов) VI дин., являются лишь проявлениями этого стиля, не имея никакого отношения к уровню мастерства скульпторов [Russmann, 1995, p. 269–271], и упоминает автора [Bolshakov, 1990] как одного из сторонников «теории упадка» [Russmann, 1995, p. 270, note 10]. Несомненно, Рассман, как всегда, в целом права, но ведь речь идет о разных, хотя и частично синхронных явлениях. Рассман рассматривает стилистические изменения, начинающиеся в конце V дин. (статуэтки *Mtjj* — один из наиболее ранних образцов), автор же имеет в виду гораздо более позднее снижение качества, происходящее в середине VI дин. в рамках второго стиля — просто потому, что он в то время господствовал. Впрочем, в любом случае едва ли кто-то станет отрицать, что качество скульптуры *Mtjj* на голову выше, чем любого памятника в нижеследующем списке.

³² Присущие меирским статуэткам Среднего царства черты — «короткие, точно приплюснутые головы, большие рты, толстые губы, подчеркнутые скулы и в особенности резко подчеркнутая мускулатура груди, хорошо развитой и рельефно отделенной от живота» [Матье, 1941, с. 38 = 1961, с. 161] — восходят, очевидно, к этому или аналогичному образцу, но становятся уже условным приемом.

14. *Jstj / Tj*, С, без №, время *Pjprj II* или позднее [*PM III*², р. 609]. а) Каир, JE 88577, дерево, выс. 42 см (основание утрачено) [Lauer, 1950, pl. 2-*ab*; Drioton, Lauer, 1958, pl. 14].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет. [180]

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: тело передано довольно условно, однако линии его смягчены по сравнению с идеалом — нет мощных плеч и узких талии и бедер; заметна легкая полнота здорового, но не атлетичного человека.

Имя: ? (основание статуи утрачено).

б) Каир, JE 88578, дерево, выс. 53 см (основание утрачено) [Lauer, 1950, pl. 2-*d*; Drioton, Lauer, 1958, pl. 15].

Большинство черт: как [*Cm 14a*].

Имя: ? (основание статуи утрачено).

в) Каир,³³ дерево, размеры не опубликованы. Воспроизведений нет, см.: [Drioton, Lauer, 1958, р. 219].

Статуя аналогична [*Cm 146*], но сильно разрушена.

г) Каир, JE 83575, дерево, выс. 66,5 см [Lauer, 1950, pl. 1-*c*; Drioton, Lauer, 1958, pl. 8-*a*, 9].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: условно трактованное; есть некоторое сходство с [*Cm 14a*] и [*Cm 146*].

Сложение: идеальное; плечи заметно шире, а талия тоньше, чем у [*Cm 14a*] и [*Cm 146*].

Имя: надписано.

д) Каир, JE 88576, дерево, выс. 66,5 см [Lauer, 1950, pl. 1-*b*; Drioton, Lauer, 1958, pl. 8-*a*].

Большинство черт: как [*Cm 14z*].

Имя: надписано.

15. *Jhjj*, С, без №, шахта возле южной стены припирамидного комплекса *Dsr*, конец VI дин. [*PM III*², р. 651], однако, судя по вытянутым пропорциям статуй, возможна и более поздняя датировка.³⁴

а) Нью-Йорк, ММА 27.9.3, дерево, размеры не опубликованы [Pi Joan, 1945, fig. 219].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: практически без индивидуальных черт. [181]

Сложение: совершенно условное, непропорционально вытянутое тело.

Имя: ? (основание статуи утрачено).

б) Невшатель, MEN 424, дерево, высота сохранившейся части (без ступней и основания) 88,5 см [Gabus, 1967, fig. 7, р. 167].

Практически аналогична [*Cm 15a*].

Имя: ? (основание статуи утрачено).

в) Нью-Йорк, ММА 27.9.5, дерево, размеры не опубликованы [Pi Joan, 1945, fig. 218].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

³³ Номер по каирской Книге поступлений установить не удалось.

³⁴ Всего в погребальной камере найдено 12 статуэток, в том числе три надписанных; к сожалению, известно современное местонахождение только пяти из них, учтенных здесь [*PM III*², р. 651].

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: как у [Cm 15a].

Сложение: талия тоньше, чем у [Cm 15a].

Имя: ? (основание статуи утрачено).

- г) Нью-Йорк, ММА 297.9.4, дерево. Статуя не воспроизводилась и сведения о ней не публиковались, см.: [PM Ш², p. 651].³⁵

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: некоторое сходство с [Cm 15a].

Сложение: фигура тоньше, чем у [Cm 15a], но не настолько, как у [Cm 15в].

Имя: ? (основание статуи утрачено).

- д) Невшатель, MEN 425, дерево, высота 103,5 см [Gabus, 1967, fig. 6, p. 166].

Статуя очень сходна с [Cm 15в].

Имя: нет.

16. *Ttj*, С, без №, возле пирамиды *Ttj*, конец VI дин. [Peterson, 1985, p. 4].

- а) Каир, JE 49371, дерево, выс. 45 см [ibid., fig. on p. 10; Caire, 1949, pl. 43].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: без индивидуальных черт, но пропорции слегка вытянуты.

Имя: нет.

- б) Бостон, MFA 24.608, дерево, выс. 40 см [Peterson, 1985, fig. on p. 9].

Поза: стоит.

Одежда: длинная. [182]

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: пропорции несколько тяжелее, чем у [Cm 16a].

Имя: надписано.

- в) Нью-Йорк, ММА 26.2.9, дерево, размеры не опубликованы [Peterson, 1985, fig. on p. 13, left].

Статуя аналогична [Cm 16б].

Имя: надписано.

- г) Бостон, MFA 24.606, дерево, выс. 40,5 см [Peterson, 1985, fig. on p. 7].

Статуя аналогична [Cm 16a], но худшего качества.

Имя: надписано.

- д-ж) Местонахождение неизвестно, единственная документация — не слишком удачные фотографии из коллекции Б. Ганна, хранящиеся в институте Гриффиса в Оксфорде [Peterson, 1985, fig. on p. 20].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

---

³⁵ Я имел возможность ознакомиться с ней по фотографиям, любезно предоставленным в мое распоряжение До. Арнольд и К. Рёрих (Музей Метрополитен), которым я приношу свою искреннюю благодарность.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: без индивидуальных черт.

Имя: основания статуй воспроизведены плохо, но, как любезно сообщил проф. Петерсон, работавший с оригиналами фотографий Ганна, по крайней мере в одном случае (статуя на фотографии справа) имя надписано,

з) Бостон, MFA 24.607, дерево, выс. 52 см [Peterson, 1985, fig. on p. 8].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: идеальное.

Имя: надписано,

и) Невшатель, MEN 328, дерево, выс. 52 см [Peterson, 1985, fig. on p. 11].

Статуя очень сходна с [*Ст 16з*].

Имя: надписано,

к) Невшатель, MEN 329, дерево, выс. 31 см [Peterson, 1985, fig. on p. 12].

Поза: сидит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: более полное, чем у других статуй этой группы, но без индивидуальных черт.

Сложение: идеальное.

Имя: надписано. [183]

л) Нью-Йорк, ММА 26.2.8, дерево, выс. 52,5 см [Peterson, 1985, fig. on p. 13, left].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: отдаленное сходство с [*Ст 16б*].

Сложение: идеальное.

Имя: надписано.

м) Стокгольм, ММ 11411, дерево, выс. 42,4 см [Peterson, 1985, fig. on p. 14–15].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: идеальное.

Имя: надписано.

н-о) Стокгольм, ММ 11412–11413, дерево, выс. 41,9 см и 35,2 см [Peterson, 1985, fig. on p. 16–17, fig. on p. 18–19].

Статуи аналогичны [*Ст 16м*], но худшего качества.

Имя: надписано.

п-с) Местонахождение неизвестно, документация как [*Ст 16деж*]. Дерево, размеры неизвестны [Peterson, 1985, fig. on p. 21].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: идеальное.

Имя: основания статуй воспроизведены плохо, но, согласно сообщению проф. Петерсона, по крайней мере в одном случае (статуя на фотографии справа) имя надписано.

г) Бостон, MFA 24.605, известняк, выс. 39 см [Peterson, 1985, fig. on p. 6].³⁶

Поза: сидит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: идеальное.

Имя: надписано. [184]

17. Неизвестное лицо, Дахшур, № 24, конец VI дин. или позднее, ср.: [PM III², p. 892] — VI дин.

а) Каир, CG 506, дерево, выс. 0,23 м [Borchardt, 1925, B1. 86; Morgan, 1903, pl. 4:20].

Поза: стоит.

Одежда: длинная.

Парик: нет.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: качество работы низкое, но мастер пытался индивидуализировать черты.

Сложение: тело трактовано весьма условно, но под грудью передана складка; ноги чрезмерно толсты из-за низкого качества работы.

Имя: нет.

б) Каир, CG 505, дерево, выс. 31 см [Morgan, 1903, pl. 4-17].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: идеальное.

Имя: было надписано (разрушено, но сохранились предшествующие титулы).

в) Каир, большая серия деревянных статуэток [Morgan, 1903, p. 20–21; PM III², p. 893].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: без инкрустации.

Лицо: без индивидуальных черт.

Сложение: идеальное.

Имя: нет.

В I Переходном периоде традиция парных статуй продолжается, хотя статуи «согласно жизни» практически утрачивают портретность, сохраняя лишь старую иконографию. Однако смысл в парные статуи вкладывался явно прежний (не случайно их противопоставление как в часовне, так и в склепе *Nhtj*), а отсутствие индивидуальных черт объясняется прежде всего падением общего уровня мастерства в Египте этого времени.

18А. *Nhtj*, Сиут, № 7, X дин. (датировка Э. Деланж — начало XII дин. [Delange, 1987, p. 151] едва ли правомочна). Статуи из часовни,

а) Париж, Louvre E.I 1937, дерево, выс. 179 см [Chassinat, Palanque, 1911, pl. 6–7; Capart, 1920, pl. 24 top, right; Vandier, 1958, pl. 53-4; Louvre, 1935, pl. 44–46; Delange, 1987, p. 151–153].

Поза: стоит.

---

³⁶ Кроме того, в Каире хранятся еще три статуи *Ttj* (без номеров, не воспроизводились). Одна из них изображает его в короткой одежде, две — в длинной, и все — в парике [Peterson, 1985, № 18–20].

Одежда: длинная. [185]

Парик: нет.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: типичное для сиутской школы, но довольно индивидуальное, с широким носом и характерной формой губ.

Сложение: тело передано с максимальным для этого времени мастерством, однако все черты полноты не индивидуальны, а иконографичны.

Имя: надписано.

б) Дерево, выс. 165 см [Chassinat, Palanque, 1911, pl. 5; Capart, 1920, pl. 24, top, left].

Поза: стоит.

Одежда: короткая.

Парик: есть.

Глаза: инкрустированы.

Лицо: плоское, с огромными глазами; сходство с [См 18Аа] ничтожно.

Сложение: идеальное.

Имя: надписано.

18Б. *Nhtj*, статуи из погребальной камеры (шахта I).³⁷

а) Каир, JE 36292, дерево, выс. 48 см [Chassinat, Palanque, 1911, pl. 11-1].

Статуя аналогична [См 18Аа].

Имя: нет.

б) Бостон, MFA 04.1770, дерево, выс. 41 см [ibid., pl. 11-1; 12-3].

Статуя очень сходна с [См 18Аа].

Глаза: без инкрустации.

Имя: нет.

в) Париж, Louvre E.12002, дерево, выс. 45 см [ibid., pl. 11-1, 12-3; Capart, 1920, pl. 24, bottom, right; Delange, 1987, p. 154–155].

Статуя очень сходна с [См 18Бб].

Имя: нет.

г) Бостон, MFA 04.1775, дерево, выс. 29 см [Chassinat, Palanque, 1911, pl. 11-2]

Статуя очень сходна с [См 18Бб].

Имя: нет.

д) Париж, Louvre E.12633(?),³⁸ дерево, выс. 26 см [Delange, 1987, p. 160–161], ср.: [Chassinat, Palanque, 1911, p. 49].

Статуя очень сходна с [См 18Бб].

Имя: нет.

е) Каир, JE 36281, дерево, выс. 28 см [Chassinat, Palanque, 1911, pl. 11-1, 12-1]. [186]

Большинство черт: как [См 18Аб].

Одежда: короткая («Königsschurz»).

Глаза: нарисованные, но с инкрустированным медным ободком.

Имя: нет.

ж) Париж, Louvre E. 12028, дерево, выс. 28,5 см [Chassinat, Palanque, 1911, pl. 11-1, 12-2; Capart, 1920, pl. 24, bottom, left]. Большинство черт: как [См 18Аб].

Одежда: короткая («Königsschurz»). Глаза: без инкрустации.

Имя: нет.

19. *Mrj*, Эль-Тариф, XI дин. [Vandersleyen, 1975-1, S. 233].

а) Лондон, BM 37895, известняк, выс. 58 см [British Museum, 1904, fig. on p. 93; 1964, fig. 66; Vandersleyen, 1975-1, Abb. 149-a].

³⁷ Кроме указанных, в склепе *Nhtj* была также алебастровая статуя очень низкого качества, изображающая его сидящим [Chassinat, Palanque, 1911, pl. 11-3].

³⁸ Отождествление Дж. Харви [Harvey, 1990, p. 48–49:9].

Поза: сидит.
Одежда: короткая.
Парик: нет.
Глаза: без инкрустации.
Лицо: едва ли индивидуально.
Сложение: идеальное.
Имя: надписано.

б) Лондон, ВМ 37896, известняк, выс. 60 см [British Museum, 1904, fig. on p. 93; 1964, fig. 66; Vandersleyen, 1975-1, Abb. 149-b]

Поза: сидит (со скрещенными на груди руками).
Одежда: короткая («Königsschurz»).
Парик: есть.
Глаза: без инкрустации.
Лицо: идеальное.
Сложение: сходно с [См 20а].
Имя: надписано.

Возрождение египетской скульптуры в Среднем царстве повело к появлению прекрасных изображений царей, статуи же частных лиц, хотя среди них и встречаются образцы, восходящие к староегипетской иконографии «согласно жизни», как правило, имеют не слишком высокое качество и поэтому индивидуальных черт не передают. К тому же гробничных комплексов Среднего царства с нетронутыми сердабами и погребальными камерами мало, а имена на статуях часто не надписываются, так что при утрате портретных черт отождествление изображаемых разными памятниками лиц становится крайне затруднительным. Новое царство породило совершенно новые идеи в изображении частных лиц, и в это время парные, по-разному трактованные статуи одного и того же человека окончательно исчезают.³⁹ [187]

---

³⁹ Возрождение старой идеи можно усмотреть в группе статуй фиванского градоначальника и четвертого пророка бога *Jmn Mnt(w)-m-ḥ3.t*, управлявшего Верхним Египтом при эфиопах и *Psmṯk I* [Leclant, 1961, p. 171–176]. Большая их часть условная, но две передают индивидуальные черты с необычайной силой (Каир, CG 647 [Russmann, 1989, fig. on p. 173], JE 42236 [ibid., fig. on p. 170, 172]). Однако несмотря на все заимствования из искусства Старого царства, древней идеологии их создатель не понимает. Прежде всего пару составляют две статуи с индивидуализированными лицами: у одной из них идеальное, архаизированное под Старое царство тело и парик, тогда как другая изображает более пожилого человека без парика; имеются и другие несообразности.

№	Имя		Одежда		Глаза		Парик		Материал	
	Ж	У	Ж	У	Ж	У	Ж	У	Ж	У
1	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
2	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
3	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
4	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
5	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
6	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
7	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
8	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
9	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
10	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
11	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
12	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
13	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
14	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
15	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
16	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
17	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
18А	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
18Б	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□
19	■	□	◆	◇	▲	△	○	○	■	□

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ		ОДЕЖДА	
Ж	Статуи «согласно жизни»	◆	Длинная
У	Условные статуи	◇	Короткая
×	Разрушено	◆◇	Короткая (изображенный сидит или в писцово-вой позе)
?	Информация о наличии признака отсутствует	ГЛАЗА	
?	Информация о наличии статуи отсутствует	▲	Инкрустация
□	Статуи никогда не было	△	Без инкрустации
ИМЯ		ПАРИК	
■	Надписано	●	Есть
□	Отсутствует	○	Отсутствует
МАТЕРИАЛ			
■	Камень	□	Дерево

Рис. 9

Основные черты статуй «согласно жизни» и парных условных статуй [188]

Сведем основные признаки статуй двух типов в таблицу (рис. 9). Как и у изображений на плоскости, важнейшими иконографическими чертами оказываются длина одежды и наличие или отсутствие парика. Статуя «согласно жизни» изображает человека в длинном опоясании того или иного фасона⁴⁰ и без парика. Условная статуя показывает человека в короткой одежде и в парике. В редчайших случаях статуи «согласно жизни» имеют парики [Ст 6а, 166в], а условные могут обходиться без них [Ст 8бвгд],⁴¹ но при этом парные статуи другого типа всегда имеют тот же самый признак, а не противоположный. Говоря иными

⁴⁰ За исключением сидячих статуй [Ст 1а, 2а, 5а, 6а, 12а, 19а], так как сидящего мужчину в Старом царстве всегда изображали в короткой одежде, вне зависимости от типа скульптуры (кроме царских хеб-седных статуй).

⁴¹ В очень редких случаях черты двух типов скульптуры смешиваются. Например, статуя *Ph(j)-r-nfr* (Louvre A. 107 [PM III², p. 466; Ziegler, 1997, p. 116–119]) изображает его с полными грудью и животом и индивидуализированным лицом, однако при этом он носит парик. Напротив, тело и лицо неизвестного в семейной группе Louvre A.44 [Louvre, 1935, pl. 37; Ziegler, 1997, p. 160] условны, но парика на нем нет.

словами, нормой является пара статуя «согласно жизни» без парика + условная статуя в парике, исключением — пары обе статуи в парике или обе статуи без парика, но пара статуя «согласно жизни» в парике + условная статуя без парика совершенно невозможна.

Таким образом, иконография прослеживается очень четко, а отклонения от нее редки и диапазон их достаточно ограничен. Интересно также отношение к глазам статуй, которые в лучших образцах скульптуры для большей живости делают инкрустированными, — инкрустация может быть либо у статуй обоих типов [*Ст 4аб, 5аб, 6аб, 18Ааб*], либо только у статуи «согласно жизни» [*Ст 2а (?), 10аб, 18Ба*], но никогда у условной статуи, парная которой статуя «согласно жизни» обходится без инкрустации. Совершенно ясно, что это свидетельствует об особом внимании, которое уделялось статуям «согласно жизни» — когда была такая возможность, инкрустировали глаза обеих статуй, когда же ее не было, ограничивались только глазами индивидуализированной, воспринимавшейся, стало быть, как более жизненная. Это, разумеется, серьезные характеристики статуй двух типов, однако они ничего не говорят о том, как эти статуи понимали сами египтяне. [189]

Некоторые из статуй «согласно жизни» («Луврский писец», «Шейх эль-белед», «Каирский писец», $R^c(w)-nfr(.w)$, $R^c(w)-hpr(.w)$) известны уже более века или около того, и с самого момента их обнаружения к ним стали относиться как к портретам; соответственно, такое понимание распространилось и на другие статуи этого типа. К сожалению, долгое время термин «портрет» употреблялся совершенно некритично. Переломным моментом в становлении и развитии проблематики было появление небольшой статьи Ж. Капара, который впервые обратил внимание на парные статуи и отметил некоторые их особенности как в иконографии, так и в отношении к индивидуальным чертам [Capart, 1920]. Статья Капара дала толчок дискуссии о египетском портрете, развернувшейся в 20–40-х гг. и основывавшейся главным образом на памятниках частных лиц Старого царства.⁴²

Реакцией на имевший место субъективизм оценок была резкая критика мнения о портретности статуй в длинной одежде. Крайнюю точку зрения отстаивали Р. Энгельбах, который на основании своего эксперимента со статуями $R^c(w)-nfr(.w)$ (см. прим. 1, стр. 174) отказывался видеть какую-либо разницу в передаче индивидуальности скульптурой двух типов [Engelbach, 1934], и А. Шарфф, который, абсолютизируя это мнение, делал вывод об отсутствии у египтян портрета как такового [Scharff, 1940, S. 41–42]. В соответствии с этим Шарфф выдвинул теорию, согласно которой египетское искусство всецело основывается на тех же принципах, что и иероглифика, и, следовательно, оперирует исключительно знаками [Scharff, 1939, S. 491–497]. Хотя эта точка зрения во многом справедлива и имеет немало приверженцев [см.: Bianchi, 1988, p. 55], несомненно, что она объясняет лишь условные изображения, но зачастую идет против очевидности, когда речь заходит об изображениях индивидуализированных.

Г. Юнкер, выявивший значение названия *twt / šzp r ʿnh* [Junker, 1951-2], тем самым показал, что сами египтяне считали некоторые статуи сделанными «согласно жизни», т. е. передающими реальные черты изображенного. Расходясь с Юнкером в деталях, с сутью его идеи солидаризировались Ж. Вандье и М.Э. Матье, работы которых в известном смысле подводят итоги дискуссии [Vandier, 1958, p. 116–143; Матье, 1961, с. 80–106]. [190]

Однако, безоговорочно признавая статуи «согласно жизни» портретами, они все же не определяли специфику египетской портретности.

---

⁴² Это и понятно — староегипетские вельможеские памятники здесь оказываются наиболее удобными. Не говоря уже о том, что в них все идеи выступают в чистом виде, после Старого царства качество изображений частных лиц падает, сказываясь прежде всего на передаче индивидуальности; скульптура Нового царства индивидуальным чертам предпочитает подражание чертам правящего царя; амарнский портрет и находящееся под его влиянием постамарнское искусство представляют собой явление совершенно исключительное и выпадающее из предшествовавшей традиции; поздняя скульптура во времена дискуссии была изучена еще недостаточно. Что же касается царской скульптуры, то на нее серьезный отпечаток наложили представления о двойственной — божественной и человеческой — сущности царя (например, тело его всегда, несмотря на индивидуализацию лица, изображается совершенно условно).

После этого началась переориентация проблематики на поздние (саисские, птолемеевские и римско-египетские) материалы [см. обзор: Vandersleyen, 1982], и здесь были достигнуты блестящие результаты, связанные прежде всего с именем Б. Ботмера. Однако эти результаты касаются лишь собственно художественной стороны дела, тогда как чрезвычайно важной идеологией портрета и здесь не занимались.

Ситуация сложилась парадоксальная: объективную историю индивидуализации в египетской скульптуре мы представляем сейчас несравненно лучше, чем сорок-пятьдесят лет назад, тогда как в объяснении ее субъективного аспекта — того, что видели в ней сами египтяне, — мы остаемся практически на том же месте, что и наука полувековой давности. Традиции признания и полного отрицания портретности в искусстве Египта сосуществуют на равных правах, и остается согласиться с Д. Спэнелом, что «хотя выдвинуты сильные аргументы в пользу и против существования портрета, общее мнение состоит в том, что уверены мы быть не можем» [Spanel, 1988, p. 1–3].

Это и не удивительно. Портретность — понятие чрезвычайно расплывчатое ввиду принципиальной невозможности сказать, насколько точно изображение неизвестного нам человека передает его черты. Обычно определение носит сугубо эмоциональный характер — человек показан «совсем как живой», его лицо «явно индивидуально» и т. д. Однако эти признаки, не говоря уже о том, что выделение их чисто субъективно, свидетельствуют лишь о таланте художника и о непохожести его работы на другие, но совершенно не касаются главного — личности изображенного. Мастерство художника оказывается важнейшим фактором, заставляющим считать какое-то изображение портретом: «зритель уверен в сходстве, он убеждается самим портретом, что перед ним образ действительной личности» [Жинкин, 1928, с. 40]. В самом деле, «за отсутствием другого изобразительного документа мы не можем судить о сходстве леонардовского портрета Моны Лизы с женой флорентийца Джоконда. Тем не менее это произведение является одним из величайших портретов во всей европейской живописи» [Тарабукин, 1928, с. 164].

Таким образом, следует признать, что объективных признаков портретности изображение в себе не содержит [Шапошников, 1928, с. 77]. Бессмысленно говорить о портретности изображения, взятого само по себе, помимо зрителя, но оно «станет портретом, если мы того захотим» [Ibid., с. 84]. Важно в конечном счете не то, насколько изображение похоже на реальность, а то, насколько зрители готовы видеть в нем портрет. Эти достаточно общие положения в полной мере применимы и к египетским памятникам со всей их спецификой. Если, глядя на лицо $\text{ḥnh}(.w)\text{-ḥ}3.f$ мы сразу же узнаём его среди тысяч лиц других статуй и поэтому видим за ним определенного человека, это означает, что мы имеем полное право [191] говорить о портрете (условность приемов скульптора не играет здесь никакой роли, и, например, то, что способ передачи формы головы, использованный создателем бюста $\text{ḥnh}(.w)\text{-ḥ}3.f$, доживает до птолемеевского времени (Bianchi, 1988, p. 57–59), еще ничего не значит).

Разумеется, такой подход, учитывающий лишь внешнее сходство, вернее, готовность это сходство видеть, не объясняет очень многого в поистине неисчерпаемой проблематике портрета [см. обзоры: Buschor, 1960; Breckenridge, 1968, p. 3–14; Spanel, 1988, p. 1–37], однако для наших целей он вполне приемлем. Ведь если даже мы, люди совершенно иной эпохи, иного образа жизни и иных взглядов на мир, поддаемся обаянию этих памятников и невольно верим им, то что же говорить о египтянах, для которых они создавались и для которых они значили несравненно больше, чем для нас.

Все статуи «согласно жизни» IV–V дин. и отдельные образцы более позднего времени очень индивидуальны. Тот, кто хотя бы раз видел их, запомнит и никогда не спутает энергичность $\text{Hm}(w)\text{-jwn}(w)$, усталые глаза $\text{ḥnh}(.w)\text{-ḥ}3.f$, острый взгляд $\text{K}3j$, властность $\text{K}3(.j)\text{-ḥpr}(w)$, болезненность Mttjj . И все же с середины VI дин. передача индивидуальности постепенно сходит на нет. Статуи сохраняют прежнюю иконографию, однако лица их становятся стандартными, а из особенностей сложения передается только полнота, превращающаяся в совершенно условный знак, выглядящий довольно забавно, — грудь и

живот полные, а руки и ноги имеют нормальную толщину. Не означает ли это, что и во времена расцвета статуй «согласно жизни» главной была иконография, а не индивидуализация?

Думается, на этот вопрос со всей определенностью можно ответить отрицательно. Падение уровня мастерства в первую очередь сказывается на передаче индивидуальности, так что процессы, происходившие в конце Старого царства, вполне могут быть объяснены чисто техническими причинами. В условиях упадка иконография оказывается единственной связью между новой посредственной скульптурой и старинными образцами высочайшего качества; роль ее велика, но преувеличивать ее и сводить все к одной иконографии не следует. При этом, конечно, сама возможность скатывания от индивидуальных черт к условным знакам является важной характеристикой египетской системы изобразительности⁴³ — здесь с Шарффом не согласиться невозможно. Таким образом, хотя искусство Египта вполне может обходиться без индивидуализации, нет никаких реальных аргументов против того, что часть изображений может быть портретна — пусть даже только в виде исключения. [193]

В таком случае мы должны выяснить, зачем египтянам были нужны портретные (хотя бы и очень специфичные) статуи «согласно жизни». У нас есть ключ к решению этого вопроса, и он, как водится — в отклонениях от нормы. Египтяне создают массу однотипных памятников, но иногда, отступая от правил, они «проговариваются», сообщают о мотивах, которыми руководствовались при создании этих памятников. Для настоящей проблемы таким ключом становится отношение к имени изображенного.

То, что отсутствие или нивелирование индивидуальных черт у большинства египетских изображений компенсировалось наличием на них имени, очевидно и принято, кажется, всеми [Altenmüller, 1980, S. 560]. Египетские изображения объявляют даже «портретами по имени» (Benamungsporot) [ibid., S. 581], однако объяснить смысл этого явления (подобно предложенному в § 1 или иначе, но обязательно в связи с сущностью представления о Двойнике) никто всерьез не пытался, так что наблюдение о роли имени давно уже успело стать банальностью, прибавив к пониманию египетского искусства и мировоззрения очень немного (например, в новейшей сводке по портрету имени уделено всего лишь две строки: [Vandersleyen, 1982, S. 1074]). Между тем, если мы обратимся к перечисленным парным статуям, сразу же станет ясно, что отношение египтян к надписанию на них имен изображенных было достаточно своеобразным и принципиальным.

Правилом является наличие имени на основании статуи; разумеется, есть и большое число ненадписанных статуй, однако обычно они либо не закончены, либо имеют низкое качество, причем количество их в целом с ухудшением качества возрастает. Таким образом, мы имеем здесь дело со вполне естественной ситуацией, когда наличие или отсутствие имени коррелируется с качеством работы. Однако лучшее произведение искусства Старого царства — бюст *ḥḥ(.w)-ḥ3.f* [Cm 3a] не надписан, хотя полностью завершен. И это далеко не случайно. Обратившись к нашей таблице, мы обнаружим ряд пар, в которых статуя «согласно жизни» не надписывается [Cm 5a↔5б, 13a↔13б, 16a↔16зиклмнопт, 17a↔17б], тогда как на условных статуях имя имеется; возможно, что и не дошедшая до нас условная статуя *ḥḥ(.w)-ḥ3.f*, для которой был сооружен сердаб, также была надписана, составляя аналогичную пару. Характерно и в высшей степени важно, что случаев противоположных, с надписанной индивидуализированной и ненадписанной условной статуей, нет — видимо, они были невозможны.⁴⁴

⁴³ Сходные явления мы уже наблюдали на материалах настенных рельефов (§ 2 настоящей главы). При этом, однако, есть одно немаловажное различие — превращение в знак происходит в скульптуре гораздо медленнее, она имеет, так сказать, большую инерцию. Объясняется это тем, что плоское изображение по самой своей природе более условно, чем объемное, и, значит, изначально ближе к знаку.

⁴⁴ В паре [Cm 6аб] имена отсутствуют на обеих статуях, однако гробница «Каирского писца» не была закончена — судя по описанию Масперо, стены часовни были подготовлены для изображений, сделать которые почему-то не успели [Sapart, 1921, p. 190]; не осталась ли не законченной до конца и скульптура?

Интересный вариант этой практики дает эпоха $Hw(j).f-w(j)$. Требования стиля повели к сокращению количества изображений и, соответственно, к сокращению количества надписаний имени — в часовне осталась [193] лишь поминальная плита со сценой трапезы и с упомянутым всего один раз именем хозяина (о «стиле $Hw(j).f-w(j)$ » см.: [Большаков, 1982; Bolshakov, 1997, p. 37–39]). Риск гибели плиты был вполне реален, поэтому для компенсации в погребальные камеры стали помещать индивидуализированные «резервные головы». Поминальные плиты в большинстве случаев действительно разрушились, в результате чего нам известны имена лишь четырех владельцев «резервных голов» в Гизе (Nfr , Г № 2110; $Mr(j).t-(j)t(w).s$, Г № 4140; $Snfr-w(j)-snb(.w)$, Г № 4240; $3h.t(j)-htp(.w)$, Г № 7650), зато всех их мы узнаем в лицо. Владельцев гробниц традиционного стиля, не имевших индивидуализированных статуй, в лицо мы не узнаём, но зато в их часовнях многократно надписаны имена. Так или иначе, цели своей — фиксации индивидуальности человека — египтяне добились.

Теперь становится понятным египетское понимание портрета. Условное изображение неполноценно из-за отсутствия персональных черт, и поэтому его обязательно надписывают; тем самым недостаток изобразительной информации восполняется информацией иного рода. Но ведь индивидуализированное изображение информационно самодостаточно, и для идентификации изображенного никакого надписания оно не требует. Правда, для дополнительной гарантии обычно надписывали и статуи «согласно жизни», но исключение из правила оказывается важнее — лучшие образцы индивидуализированной староегипетской скульптуры могут обходиться без надписаний. К сожалению, основания многих статуй, где писалось имя, утрачены — если бы они сохранились, число таких исключений могло быть гораздо больше.

Значит, для египтянина равноценны и равноправны совершенно условное изображение, к которому приписано имя человека, и изображение, предельно точно передающее индивидуальные черты и обходящееся без надписания. С нашей обыденной точки зрения, между этими двумя типами изображений лежит глубокая пропасть, однако египетский «портрет по имени» не столь экзотичен, как кажется, и современный человек в конце концов не так уж далеко ушел от древнего восприятия. Нувориш, заказывавший портреты своих никогда не существовавших знатных предков, действовал совершенно «по-египетски», ибо изображение человека в старинном костюме становилось портретом потому, что его имя было написано на раме или хотя бы подразумевалось; фиктивность изображений и даже имен роли не играет [см.: Шапошников, 1928, с. 84]. Точно так же «по-египетски» поступает и современный скульптор, создавая памятник историческому лицу, о внешности которого ничего не известно, — статуя человека в шлеме и с мечом становится изваянием, скажем, Александра Невского только благодаря надписи на постаменте. Такие «псевдо-портреты» мы встречаем у самых разных народов в самые разные исторические эпохи, и если сейчас нам кажется, что «подлинный» портрет лучше «портрета по имени», то это всего лишь результат многовековой европейской художественной традиции, а не какое-то вечное и общее правило. [194]

Надписание совершенно условного изображения, делавшее его вполне эффективным, позволяло обходиться «портретом по имени», и именно так поступало большинство даже самых знатных и богатых египтян. Условное изображение фиксировало Двойника в естественном для него молодом возрасте и гарантировало даже старому и болезненному человеку инобытие в наиболее желательном виде. Однако египтяне, как мы уже хорошо знаем, никогда не удовлетворялись достигнутой степенью надежности своих приготовлений к вечности и постоянно эти приготовления совершенствовали, даже входя, с нашей точки зрения, в противоречие с исходной идеей.

Идентичность $k3$ и rn , обеспечивавшая действенность «портрета по имени», в онтологическом плане сомнений не вызывала, но, вероятно, на чисто бытовом уровне разительное несоответствие между человеком и его условным изображением могло порождать желание как-то уточнить его образ. Сложение в столице при IV дин. блестящей художественной школы, накопившей большой опыт как в изучении природы, так и в технике

обработки камня и дерева, позволило разрешить проблему при помощи «подлинных» портретов, изображающих человека таким, каким он был на самом деле.⁴⁵

Лучшие из статуй «согласно жизни» точно передают индивидуальные, в том числе и возрастные черты. Тем не менее они не посягают на важнейшее свойство Двойника — его молодость, и это дает им право на существование. Ведь наряду со статуей, изображавшей пожилого человека, обязательно существовала условная, передававшая идеальный возраст; единственный случай, когда статуя «согласно жизни» достоверно не имела парной условной, — $R^c(w)\text{-}h\dot{t}p(.w)$ [Cm 1] — также вполне понятен; $R^c(w)\text{-}h\dot{t}p(.w)$, несмотря на всю индивидуализацию черт, показан молодым; каким он, видимо, и был на самом деле в момент изготовления статуи, так что его реальное обличье не противоречило возрасту Двойника.

Очень вероятно, что статуи двух типов имели и какие-то функциональные различия, но, к сожалению, установить их до сих пор не удастся. В свое время М.Э. Матье предполагала, что материал и размеры ряда статуй (дерево, высота ок. 1 м) связаны с тем, что во время погребальной церемонии родственники покойного проделывали с ними хорошо известный [195] обряд — несколько раз поднимали их вверх [Матье, 1947-1, с. 47–48; 1961, с. 82]. Было бы соблазнительно связать этот обряд со статуями «согласно жизни», однако факты противоречат такому предположению. Если статуя $K3(j)\text{-}^cpr(.w)$ [Cm 4a] удовлетворяет этой гипотезе, то статуя $R^c(w)\text{-}nfr(.w)$ [Cm 7a], точно так же открыто стоявшая в часовне и, следовательно, имевшая те же функции, высечена из камня и имеет высоту почти 2 м — ее-то на руки явно не поднимали. Точно так же обстоит дело и со статуями $R^c(w)\text{-}h\dot{t}p(.w)$ и $Hm(w)\text{-}jwn(w)$ [Cm 1a, 2a]. Более того, парные статуи обычно изготавливались из одного материала — либо обе из камня, либо обе из дерева (см. рис. 9), и лишь в исключительных случаях и главным образом при наличии больших серий деревянных статуэток наряду с ними могли появляться и каменные ([Cm 16m], см. также примеч. 1 на стр. 185; ср. [Cm 12abv]). Не удастся установить какого бы то ни было функционального различия между статуями двух типов и в их размещении — и те, и другие могут находиться как в сердабе, так и в часовне. Наконец, нельзя забывать и о том, что статуи «согласно жизни» составляют ничтожный процент от общего числа староегипетской скульптуры, так что их невозможно считать непременным атрибутом каких-то особых ритуалов. Таким образом, связь с культовой практикой была здесь гораздо более сложной и опосредованной, чем можно подумать.

Это, впрочем, вопросы для совершенно иного исследования, остающиеся пока неразрешимыми. Зато, исходя из нашего понимания двух типов статуй, можно объяснить отсутствие изображений во многих часовнях IV — начала V дин. Классическим образцом является часовня $K3(j)\text{-}^cpr(.w)$ (СМ № С-8), в которой имеется лишь ложная дверь без изображений и с одной краткой надписью: «Главный жрец праздничных книг $K3(j)\text{-}^cpr(.w)$ » [Murray, 1905, pl. 3]. Никакого другого оформления не требовалось, так как в часовне открыто стояли парные статуи самого $K3(j)\text{-}^cpr(.w)$, а также статуя его жены [Саpаrt, 1920, p. 232]. Парные статуи давали полную информацию о личности хозяина, и поэтому можно было обойтись без настенных изображений. Точно так же обстояло дело и в других часовнях — у $K3j$ (СМ № С-20) две его статуи найдены *in situ* перед ложными дверьми [Саpаrt, 1921], у $R^c(w)\text{-}nfr(.w)$ (СМ № С-5) его парные статуи и статуя его жены также стояли в часовне [Mariette, 1889, p. 122–123].

Таким образом, парные статуи, открыто стоящие в часовне, могли заменять собой прочее изобразительное оформление. Характерно, что все эти случаи датируются временем не позднее начала V дин. Не было ли это результатом влияния на Саккару «стиля $Hw(j).f$

---

⁴⁵ Поразительно, но согласно измерениям костей $3h.t(j)\text{-}h\dot{t}p(.w)$, его рост должен был составлять 174,7 см, тогда как высота одной его статуи «согласно жизни» была [Cm 8a] 175 см, а высота другой (см. прим. 1, стр. 175) реконструируется анатомом как 175 см. Точно также рост жены $3h.t(j)\text{-}h\dot{t}p(.w)$ реконструируется по скелету как 156,4 см, а высота статуи, довольно нестандартно передающей ее черты (в нашем списке не учитывается [см.: Zayed, 1958, pl. 7, 9, 11, 17; Batrawi, 1948, pl. 2–3]), — как 156 см [Batrawi, 1948, p. 492–494]. Близки к возможному росту человека также статуи $R^c(w)\text{-}h\dot{t}p(.w)$, $Nfrt$, $^c nh(.w)\text{-}h3.f$, $R^c(w)\text{-}nfr(.w)$. К сожалению, возможность сопоставления в этих случаях отсутствует ввиду гибели костных останков.

$w(j)$ », вызвавшего сокращение настенных изображений, но потребовавшего их компенсации? В таком случае ряд часовен этого времени, оставшихся без изображений, мог быть оформлен статуями, которые до нас не дошли — ведь рельеф неотделим от стены, статуя же никак не закреплена и исчезает [196] или гибнет первой. Вероятно, эти часовни следует выделять в самостоятельный тип (кстати, на большое сходство часовен $K3(j)-pr(.w)$ и $R^c(w)-nfr(.w)$ указывал еще Ж. Капар [Capart, 1920, p. 227–228]).

Проблемы, которые ставят перед современным исследователем египетские представления о статуях, все еще далеки от окончательного разрешения. Даже связанная со скульптурой терминология остается не слишком понятной, так что мы не можем с уверенностью сказать, по каким признакам египтяне различали типы статуй. Прделанное здесь исследование касается лишь одной, хотя и очень важной стороны этой проблематики — передачи индивидуальных черт. Полученные в результате его выводы, несомненно, потребуют уточнений, но пока для нашего исследования Двойника они достаточны.⁴⁶

---

⁴⁶ В связи с представлением о Двойнике следует рассматривать и отношение египетского художника к своему творчеству, степень осознания им своего авторства. Этот вопрос, однако, требует специального исследования и увел бы нас слишком далеко от темы настоящей книги (о некоторых из этих проблем см. [Богословский, 1985, с. 12–16]).